КРОКОДИЛ

27
СЕНТЯБРЬ 1970

— Позовите его. Так и быть, подпишу.

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

ВИЛЫ В БОК!

НЕБО ИЛИ НЕБЕСНАЯ ТВЕРДЬ?

Как известно, служители религиозных культов утверждают, что небо представляет собой твердую поверхность. И в библии, мол, сказано, что бог создал небесную твердь.

— Как же так! — возражают атеисты. — Но ведь полеты космических кораблей наглядно доказывают, что небо никакая не твердь, а стратосфера.

На это служители культа выдвинули такой аргумент:

— Ущерб и повреждения, причиненные небесной тверди космонавтикой, — дело поправимое. При помощи цементных заводов можно быстро залатать дыры, пробитые в небе космическими кораблями.

А ведь церковники оказались правы! В этом нас убедила практическая деятельность Карадагского цементного завода, где директором М. Багиров.

Как сообщает Крокодилу руководитель группы технадзора за эксплуатацией газоочистительных сооружений Е. Куклин, завод поставил это дело на широкую ногу.

Несмотря на то, что здесь уже который год не выполняется программа, заводские трубы ежедневно выбрасывают в небо свыше 400 тонн полуобожженного сырья и свыше 300 тонн высококачественного цемента. Это в день! А в месяц! А за год! А за десять лет!

Впрочем, к чему считать, сколько цемента вылетает за десять лет, когда только за четыре года на укрепление небесной тверди завод выбрасывает миллион тонн цемента!

Даже визуальное наблюдение показывает, что цементировка небосвода проходит весьма успешно: никакие солнечные лучи не в состоянии пробить многокилометровую толщу цементной пыли.

Что ж, если так пойдет и дальше, атеистам, видимо, придется пересмотреть свой взгляд на небесную твердь... Или, может быть, министр промышленности стройматериалов Азербайджана Ф. Мусабеков пересмотрит свое отношение к деятельности карадагского завода!

Е. В.

Шинель

«Тут-то увидел Акакий Акакиевич, что без новой шинели нельзя обойтись, и поник совершенно духом».

Н. В. ГОГОЛЬ «Шинель».

На станции Актогай, Талды-Курганской области, гражданин Высоцкий Василий Дмитриевич, вернувшись домой со службы, посмотрел нечаянно в зеркало.

И увидел Василий Дмитриевич, что без новой шинели ему никак не обойтись. Но не поник духом, а собрался с духом, сел в поезд и поехал. Ехал, ехал, проехал сто сорок километров и приехал на станцию Аягуз Казахской железной дороги.

Там гр. Высоцкий стряхнул с себя снежную пыль и строевым шагом вошел в ателье № 914, держа наизготовку купленный заранее отрез.

Закройщик Пенягин измерил заказчика Высоцкого во всех трех измерениях. Заказчик заплатил задаток. Ателье выдало квитанцию. Они расстались, преисполненные взаимного восторга.

Зима нехотя оттаяла. Полоса отчуждения Казахской железной дороги наполнилась весенним ароматом зелени, сменившимся летним ароматом пыли. А Василий Дмитриевич все ездил и ездил на станцию Аягуз. Сто сорок километров туда, сто сорок обратно. Четыре сорок туда, четыре сорок обратно.

Примерно на двухтысячном километре гр-ну Высоцкому явилась шальная мысль: а вдруг шинель когда-нибудь и вправду будет готова?

И точно, на этот раз так и вышло. Но вот примерить шинель он не смог. В плечах она была неправдоподобно узка. В талии — еще хуже. А в груди так узка, словно предназначалась облегать не грудь, а ногу.

— Беда, — нервничая, сказал закройщик Пенягин. — Прямо беда с этими клиентами. Пухнут на глазах. Придется снять новый обмер. Зайдите недели через две.

— До свидания, — уныло ответил заказчик Высоцкий, не подозревая, что правильнее было сказать «прощайте».

Через две недели ателье встретило его ласковее обычного:

— Вам товарища Пенягина? Таких у нас нет.

— Как? — холодея, прошептал Высоцкий. — Уволился?

— Что вы! Сбежал просто. Долгов у него много оказалось. Назанимал у всех и сбежал. Даже квартиру бросил.

— А шинель?

— Шинель тоже бросил. Зачем ему такая?

Посмотрел Василий Дмитриевич — и правда: висит его дефективная шинель в полной сохранности и даже с этикеткой: «Высоцкий В. Д. Испорчено».

— Что же делать? — спрашивает.

— Домой ехать, — говорит ему ателье. — Сейчас на дворе и без шинели тепло.

А вот уже и очередная зима надвигается, и стал Василий Дмитриевич считать, во что ему обошлись эти поездки. Получилось, что вполне можно было новую шинель купить. Притом готовую.

А. МАТЛИН

Больше чем алхимик

Председатель колхоза «Россия», Можгинского района, Удмуртской АССР, А. П. Горынцев никогда не считался алхимиком. Но, если хотите знать, любому алхимику десять очков вперед даст. Потому что деньги он делает буквально из ничего. Из воздуха. И рецепт его бесхитростен и азбучно прост.

Вот, скажем, привезли в колхоз газовые плиты стоимостью по 60 рублей каждая. А тов. Горынцев не моргнув глазом велел реализовать их по 110 рублей. И прибыль есть, и совесть председателя спокойна: не продешевил.

Некоторые колхозники сгоряча купили плиты по повышенной цене. Но потом опамятовались и устроили скандал. Другой мягкотелый руководитель, растерявшись, тут же вернул бы денежки, смазав тем самым удачное начинание. Не таков Горынцев. Он тут же перешел в контратаку и накинул на строптивцев дополнительно по десятке: «Не хотели плиты за 110 — получайте за 120 рублей. Будете знать другой раз».

А теперь попробуйте сказать, что тов. Горынцев не обскакал на этом эксперименте любого алхимика.

В. ЧЕТВЕРГОВ

Рожденный ползать

«...И вскрикнул внезапно ужаленный князь...» Вы помните эту кошмарную историю? Вещий Олег, собравшийся показать неразумным хозарам, где раки зимуют, приказал долго жить. Этот грустный факт произошел оттого, что тогдашняя медицина была не на высоте.

Отшумели века, один прогрессивнее другого. Человечество написало маслом «Джоконду», расщепило атом, построило Останкинскую телебашню. И только, пожалуй, змеи остались в том же ядовитом отчуждении, сохранив свою гнусную привычку бросаться на всех без разбора. Однако человеческий гений и тут не спасовал, обратив змеиные яды в чудодейственные лекарства против множества неприятностей, начиная от укусов самих змей и кончая радикулитом.

И вот на Ташкентском аэродроме грохочут двигатели самолетов. Самолеты сейчас умчат в город Ленинград драгоценный груз — целебную сыворотку. Ах, как ждут ее в Ленинградском областном аптечном складе! Там даже 4 августа 1969 года оплачен счет на получение этой бесценной сыворотки в размере 87 рублей 50 копеек.

«Но уметь ждать — это талант», — сказал кто-то из мудрецов и мыслителей. Полгода ленинградские фармакологи демонстрировали этот талант в полном блеске. Наконец тревога за судьбу бесценного груза дошла до крайности. В Ленинградский аэропорт было отправлено письмо: если груз утерян, — возместить его стоимость.

А работники Ленинградского аэропорта, возмутившись этим безобразием, наотрез отказались возместить стоимость груза.

И правильно сделали! Правильно, потому что в один прекрасный день совершенно случайно в некоем потаенном углу ленинградского аэропортовского склада заветный груз был обнаружен. Ровно через год и пять дней после отправки его из Ташкента! По роковому стечению обстоятельств срок годности целебной сыворотки истек в тот же самый день.

И. Т.

ПОМОГИТЕ, ЗЕМЛЯКИ!

Горьковские судостроители прославили себя, создав суда на подводных крыльях и воздушных подушках. Теперь им представляется редкий случай прославиться еще больше. Необходимо срочно сконструировать... дом на воздушной подушке. Причем вовсе не обязательно, чтобы он носился по морям, по волнам. Пусть себе прозаически висит на одном месте, радуя новоселов и рабочих Горьковского завода крупнопанельного домостроения № 1.

Дело в том, что последние полгода рабочие этого завода начисто лишены возможности наращивать свои трудовые успехи. Больше того, они даже не выполнили план мая и июня. И не по своей вине. Завод изготовляет панели, а чтобы их пустить в дело, нужны фундаменты. А фундаменты закладывает монтажное управление горьковского домостроительного комбината «Главволговятскстрой». И делает это такими темпами, что завода уже не видно из-за нагромождения готовых панелей.

Но и жаловаться заводу на невнимание к своей продукции тоже некому. Ведь он подчиняется тому же комбинату, что и монтажное управление. А у руководителей комбината левая рука не знает, что планирует правая.

Так что, видимо, придется обратиться за помощью к землякам-судостроителям. Что им стоит дом построить, хотя бы и на воздушной подушке.

А. ПЯТКОВСКАЯ

На насесте.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Андрей ВНУКОВ

ФЕЛЬЕТОН С НЕДОДЕЛКАМИ

Решил я бракоделов бить,
Продумал фельетон, —
Чтоб в целом смог
без брака быть,
Без недоделок он.
Я сел писать, но со двора
Вошел знакомый мой,
И недописанная **фра...**
застыла под рукой.
Я снова сел писать... Звонок!
Явился друг — входи!
Пришлось одну из броских строк
Бросать на **середи...**
не хорошо, но этот брак
Редактор проглядел, —
И вы теперь читайте так:
Со всеми **недодел...**
камин с пометкой «1-й сорт»
Купил себе сосед,
Но тот камин упрям, как черт,
Не греет и не **свет...**
и тот камин он сдал в утиль,
А приобрел «Памир»,
Теплей, чем этот **холодиль...**
никто не грел квартир.
Он ничего не охладит,
Поскольку явно тут
В нем кто-то гайку **недовинт...**
иль винтик **недокрут...**
иль вдруг не к месту перекур
Устроил бракодел,
Потом забыл приладить шнур, —
И вот вам **недодел-**
ки, которые вместе с бакинским холодильником «Бакы» приобрел тов. Масловский из Ростовской области, вместе с ростовским «Доном-2» приобрела тов. Васильева из Волгограда, а вместе с душанбинским «Памиром» и златоустовским «Полюсом» приобрели отдельные граждане и целые учреждения...

Но холодильник — это что!
Вот телевизор есть,
Его особых черт никто
Не сможет перечесть.
Он внешне людям по душе,
Но прерыва... звуча...
И если вспых... изображе...
Немедля выключа...
Видать, с похмелья на завод
Явился бракодел,
Не вставил лампу и диод, —
И вот вам **недодел-**
ки, которые вместе с телевизором «Березка» приобрела тов. Зотина из Чимкентской области и вместе с «Изумрудом» тов. Сенаторов из Кемерова, а вместе со «Стартом-6» и александровским «Рекордом-6» — целый ряд отдельных граждан и учреждений...

И телеви... и холодиль...
Еще цветочки, но
Купите вы автомобиль,
И будет вам кино.
В машине агрегатов тьма,
И каждый брак таит, —
Не едет эта **колыма...**
газует, но стоит!
Видать, конец квартала был,
А в спешке бракодел
Недосверлил, недодолбил, —
И вот вам **недодел-**
ки, которые вместе с машиной «М-412» и недоделанным двигателем Уфимского моторостроительного завода получил москвич Фридлянд, машина «Запорожец» с недоделанным мотором Мелитопольского завода, приобретенная тов. Климовым из Юрги, Кемеровской области, и недоделанный мопед «Верховина-3» Львовского завода, всученный тов. Безгласному из Краснодарского края...

Там, где с количества лишь спрос,
Не с качества **това...**
работничек иной всерьез
На качество **плева...**
ломает графики аврал,
Последняя **дека...**
давай, гони за весь квартал,
С тобою ОТК!
А знал бы каждый, что **зарплат...**
урежут им за **эт...**
о, тут бы каждый дать был рад
Без-брачия обет!

— Не найти нам тут динозавров: все только импортное оборудование попадается!

Рисунок Е. ГОРОХОВА

КАК Я ПРОВАЛИЛ КОМАНДИРОВКУ

А. ХОДАНОВ, специальный корреспондент Крокодила

Города — в точности как люди. У каждого свое лицо и свой характер. Только в отличие от человека, который растет где-то до двадцати, города растут всю жизнь. Обмотавшись густой паутиной водопроводных труб и электросетей, белые крупнопанельные дома-корабли уверенно выплывают в благоухающую полынью степь, беря на буксир встречающиеся на пути деревни и села.

Уже в центре Москвы село Алексеевское—крохотная остановка в нескончаемом лабиринте троллейбусных линий. Давно потонула в асфальтовом море деревенька Фили, и только единственная ее изба одиноко маячит среди современного стекла и бетона. Полководческий гений фельдмаршала Михаила Илларионовича помог избе-музею отразить атаки разных проектных организаций.

И придет однажды такое время, когда, попыхивая заводскими трубами, города подойдут вплотную к деревням, а деревни, приодетые в кирпич, вооруженные передовой техникой, как одна, выбегут навстречу. Тогда, освободившись от существенных социально-экономических и бытовых различий, город и село сольются в сверхтвердый сплав.

Правда, мне казалось, что время это наступит не сегодня, ибо есть еще на пути такого слияния некоторые трудности, которые надо преодолеть. Но вот я узнаю, что Кемеровский облисполком выносит недавно решение: **считать деревню Лебедянку с населением в тысячу человек вошедшей в город Анжеро-Судженск.**

Звоню в Анжеро-Судженск своим знакомым, чтобы поздравить с достижением, а мне отвечают, что никто ничего не знает... Бросаю трубку и тяжело задумываюсь. Ну вот, думаю, миллионы читателей узнают, что не приносящий никакой пользы народному хозяйству медведь бежит стометровку за шесть секунд. А о радостном явлении, приближающем светлые дали,— ни строчки в газете, ни слова в телепередаче. Пропустили сухое решение по официальным районным каналам — и баста.

Словом, тема для положительного репортажа о сближении города с деревней родилась сама собой, я вылетел в Кемерово, пересел на автобус и через четыре часа уже входил в кабинет секретаря Анжеро-Судженского горкома КПСС Алексея Степановича Новикова.

— Поздравляю! — торжественно сказал я с порога.

— С чем? — искренне удивился секретарь.— Ах, с ликвидацией существенных различий между нашим городом и деревней Лебедянка?! Дело конченное, что об этом говорить! Вы бы лучше помогли нам со швейной фабрикой. Размещена, знаете ли, в одноэтажном деревянном доме, а дом аж еще в тридцать девятом году построен. Зашел я вчера в цех номер один, а там фундамент провалился, и полное, знаете ли, впечатление, что цех вот-вот грохнется в старый шахтовый шурф сорока двух метров глубиной...

— Чур меня! — прошептал я.— Но почему бы вам взять и не построить новую фабрику? Город, который берет под свое крыло громадную деревню...

— ...не имеет строительной базы,—продолжил секретарь,—и строительных ресурсов тоже. Вы пройдитесь по городу...

Я шел по улицам, и слова секретаря вставали передо мной в виде руинно возвышавшихся недостроенных жилых домов, ибо по причине отсутствия балконных плит дальнейшая кладка была невозможна. Нет плит — нет работы, нет работы — нет жилья, и три тысячи восемьсот тридцать три очередника, не считая тех, кто живет на барачной площади общим размером в 12 тысяч квадратных метров, ходят вокруг этих домов, возмущенно задрав головы.

Первого заместителя председателя горисполкома Георгия Антоновича Румянцева я застал в той же тяжелой задумчивости, что и секретаря горкома партии. Проблемы звенели в его кабинете нескончаемыми телефонными звонками, шуршали входящей почтой, воплощались в длинные очереди разных официальных и прочих посетителей.

Проблемы складывались в короткие, как выстрел из духового пистолета, суровые фразы: план жилищного строительства сорван — раз! Канализации нет и не предвидится — два! Деньги на строительство жилья не осваиваются — три! Деньги есть, подрядчиков нет — четыре!

Эх, старый добрый шахтерский Анжеро-Судженск, основанный в 1897 году! Знаменитый некогда город, с которого начинался Кузбасс! Ему бы за это время вырасти, как выросли Комсомольск и Братск, как выросли сотни других наших городов! А он каким был, таким и остался... Давным-давно нет в Анжеро-Судженске новых предприятий и организаций, которые помогли бы ему тянуться вверх и расправить плечи.

— Проектировщики к нам — как мухи на мед,— говорит Георгий Антонович, отрываясь от трубки.— Всем место нравится. Но когда узнают, что в городе нет стройбазы, прячут свои теодолиты и прочее имущество и машут шапками: дескать, привет, спасибо этому дому...

Выходил я из исполкома в некотором замешательстве: четкая и ясная тема положительного репортажа вдруг разом померкла... «Что же делать?! — думал я, в отчаянии теребя блокнот, в котором не появилось ни одной записи.— Брать билеты домой?..»

Размышления мои прервал директор стекольного завода Григорий Степанович Смирнов.

— Так вы из «Крокодила»? — спросил он.— Очень кстати! — и продолжал, в сердцах разведя руками:— Тянут газопровод из Томской области — так и тут нас обошли! На Югру поведут! А почему? Что нам, газ не нужен? Да как я могу витринные и зеркальные стекла без газа делать? Да если бы газ, мы бы дали ежегодную экономию в миллион семьсот пять тысяч рублей, а затраты на сооружение газопровода окупились бы в пять лет! Я уже не говорю про то, каким бы стал наш город без мазута и угля, без вековой копоти и грязи!..

Нет, командировка моя определенно проваливалась, и, как утопающий за соломинку, я ухватился за Лебедянку — плод недавнего слияния города и села. Раз там ликвидированы социально-экономические и бытовые различия, думал я, но уже без особого энтузиазма, то они были обязаны торжественно отметить...

— Вы это куда направились? — спросил меня секретарь горкома тов. Новиков.— В Лебедянку? Пешком? Это, знаете ли, несколько трудновато...

— А разве деревня не в городской черте?

— До деревни пока еще девять километров...

— Тогда я на автобусе!

— Если бы был автобус...

До Лебедянки я добирался на попутной машине, обгоняя стайки местных жителей, далеко растянувшиеся по холмам. Молодая часть города встретила меня дружным хрюканьем иссиня-черных свиней, обосновавшихся посреди единственной пыльной улочки, чванливым гоготом гусей, маявшихся в жаркой тени, наглым блеянием многочисленного овечьего стада и ленивым мычанием громадных меланхолических животных, которые где-то вдалеке от Кемеровской области считаются священными.

— Что изменилось, когда вы стали городом?—довольно бестактно спросил я прохожего дедушку.

— Мы-то?—задумался дед, но совсем не рассердился, а просто пожал плечами.— Да без пастуха остались. Вроде бы неудобно теперь пастуха иметь: все же город, а без пастуха опять же ни туды, ни сюды: всетаки деревня!

Тут дед неожиданно побелел и яростно сплюнул на пыльную дорогу, потревожив свиней.

— Так ежели мы город, дайте нам хотя бы баню! Хотя бы какой культурный очаг! Хотя бы асфальтированную дорогу! Зимой-то к нам добраться разве что на тракторе можно!

Эти «хотя бы» дед трижды загибал на всех пальцах. А последнее ставило уже совсем под сомнение мудрое облисполкомовское решение. Новоиспеченные горожане просили хотя бы кусочек земли для выпаса и покоса, потому что вся земля вокруг Лебедянки занята полями совхоза «Кузбассугля», пребывание на которых скоту заказано, а косарям грозит уголовной ответственностью...

Возвращаясь из Лебедянки, я все думал про то, что город Анжеро-Судженск, потонув в собственных нерешенных проблемах, абсолютно не готов был принять в свои границы деревню Лебедянку, которая, в свою очередь, совершенно не была готова к такому соединению. Странно, думал я, просто непостижимо: зачем? Кому это надо?

— Вам это надо? — спросил я секретаря горкома тов. Новикова.

— Ни в коем случае! — услышал я суровый ответ.—Если б вы знали, как мы сопротивлялись!.. Своих забот загон, а тут еще новые, и все не по плечу!

В тяжелом раздумье шел я по городу, уже смирившись с тем, что командировка провалилась, и вдруг, проходя мимо объявления «ПОЛЬЗУЙТЕСЬ УСЛУГАМИ БАННО-ПРАЧЕЧНОГО ХОЗЯЙСТВА, ПОКУПАЙТЕ БЕРЕЗОВЫЕ ВЕНИКИ!», догадался...

Просто не знаю, как это у меня получилось, да еще в таком неподходящем месте, но меня неожиданно осенило! Почему-то я вспомнил результаты переписи населения в этом году. Перед глазами встала обширная сводка ЦСУ СССР, опубликованная в газетах. Был там в громадном списке цветущих и растущих городов нашей страны один, который в период с 1959 по 1970 год покинуло 10 тысяч человек. Единственный город в СССР, из которого только уходят.

— Анжеро-Судженск! — вскрикнул я.— Это же он!

И тут мне все стало ясно. При помощи нехитрого арифметического действия облисполком избавился от бельма на здоровой, краснощекой физиономии области.

И теперь на все недоуменные вопросы у председателя Кемеровского облисполкома Парфентия Васильевича Гузенко может быть один и тот же успокоительный ответ, который лучше всего произносить слегка укоризненным тоном:

— Утечка населения, говорите? Наоборот, товарищи, небывалое увеличение! Никуда не годные условия? А почему в Анжеро-Судженск народ валом валит? В этом только году, в один только день тысяча человек пришло! Это ли не начало большого подъема и прилива! То ли, товарищи, еще будет!

г. Анжеро-Судженск

На то и НАТО!

Пропагандисты НАТО выпустили брошюру, в которой рекламируется «гражданская программа» этой агрессивной организации. Отныне, если верить брошюре, борьба с загрязнением воды и воздуха, транспортными неурядицами и прочие социальные мероприятия становятся чуть ли не главной целью НАТО.

Речь главного пропагандиста НАТО на торжественном вечере по случаю выхода брошюры «Гражданская программа НАТО»

Коммунистическая пресса
Кричит, что мы хотим войны...
О, нет! Другие интересы,
Другие цели нам важны.
И скажем откровенно, прямо,
Хоть есть военные дела,
Но мы «гражданскую программу»
Поставим во главу угла!

Мы против зараженных зон!
О взрывах атомных забудем...
Ведь людям нужно что! Озон,
Озон, как воздух, нужен людям!
Есть лес. Но как попасть туда!
Проблемы нет, чего же проще!
Проложат танки без труда
Пути в березовые рощи,
Сольют моторов голоса
Со звонким пением пернатых...
Как станет весело в лесах!
Как хорошо! На то и НАТО!

Мы ночью не смыкаем век,
У нас душа полна заботы,
Чтоб ни единый человек
Не оставался без работы.

Занятий множество у нас,
Масштабы дел для всех огромны:
То затоплять в пучине газ,
То строить сверхаэродромы.
И станет каждая семья,
Как три Рокфеллера, богата...
Спешите все! Ручаюсь я,—
Все учтено. На то и НАТО!

Вот телеграф нам весть принес —
Есть тьма голодных на планете.
Как накормить их всех! До слез
Волнуют нас проблемы эти.
Зачем же медлят, чудаки,
Ведь так легко уйти от пытки:
У нас солдатские пайки
Есть превосходные в избытке.
Солдатским семьям — решено —
Доставим мы продукты на дом:
Дичь. Фрукты. Устрицы. Вино.
Пускай едят. На то и НАТО!

Подслушал и записал

Б. ЮДИН

СИДНЕЙ. Австралийская цензура в целях «охраны нравственности» запретила продажу трех изданных в стране книг: «Усердие француженок», «Нежность в постели» и «Сперва ты, а потом я». Один из депутатов австралийского парламента обратился по этому поводу с интерпелляцией к правительству. Оказалось, что в первой книге речь идет о французской кухне, вторая — как забавлять в постели больных детей, а третья излагает правила игры в теннис. По сообщениям австралийской прессы, это вызвало «самый громкий взрыв смеха во всей истории австралийского парламента».

РИМ. Здесь состоялась забастовка... больных. Они устроили демонстрации протеста против чудовищных условий в больницах итальянской столицы. По этому поводу министр здравоохранения заявил: «Наши больницы частично напоминают круги дантова ада». Не удивительно, что богатые итальянцы, если им надо лечь в больницу, спешно вылетают самолетами за границу. Поэтому итальянцы иногда называют заграничные авиалинии «санитарной авиацией».

САЙГОН. Вот заимствованное из местной прессы описание здешних парламентских будней, переданное затем агентством ЮПИ: «При страшном шуме депутат Ле Тай наступил на живот депутата Нгуен Дай Банга. Последний ответил ударом в челюсть. Депутат Хун Тхун опрокинул стол председателя парламента. Но еще до этого депутатка госпожа Тху закидала самого председателя гнилыми фруктами».

А еще говорят, что в Южном Вьетнаме мало демократии...

ВАШИНГТОН. Здесь весьма популярен новейший анекдот о вице-президенте Спиро Агню.

Агню спрашивают:

— Почему вы, господин вице-президент, не выносите журналистов? Не потому ли, что они искажают ваши заявления?

— Нет, как раз наоборот! Потому что они публикуют их, не изменяя ни слова.

ЛОНДОН. Орган английского общества врачей-психиатров «Сайкик ньюз» опубликовал большую статью, анализирующую различия в мужской и женской психике. Вот самое существенное место этого научного труда: «Мужчина забывает то, что он должен помнить, а женщина запоминает то, что должна забыть».

ЛОНДОН. Выступая на съезде английских тред-юнионов, делегат Боб Эдварс заявил:

— Английская экономика напоминает поезд с тремя классами для пассажиров. В первом едут банкиры, промышленники и финансисты. Во втором — государственные чиновники. В третьем — рабочие. Если поезд останавливается в пути, пассажирам первого класса предлагают оставаться на местах, второго класса — продолжать путь пешком, а пассажиров третьего класса просят выйти и толкать вагоны».

Передача из Вьетнама.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Е. ЕВСЕЕВ

ЛОРД ИЗРАЭЛЬ ЗИФФ СЕРДИТСЯ...

Как всегда утром, глава торговой фирмы «Маркс энд Спенсер» лорд Израэль Зифф не спеша перебирал принесенную секретарем пачку телеграмм и писем. Вдруг его внимание привлекла срочная депеша из столицы Цейлона Коломбо. Пред очами лорда запрыгали слова: «Правительство Цейлона намерено прервать дипломатические отношения с Израилем до тех пор, пока войска агрессора не будут выведены с оккупированных арабских территорий».

Нарушив строгие предписания своего лейб-медика не волноваться, восьмидесятидвухлетний английский макаронно-чайно-чулочно-брючный и прочая и прочая король в гневе грохнул сморщенным кулачком по столу. На стук примчался секретарь.

— Немедленно направить правительству Цейлона письмо! От моего имени,— срывающимся фальцетом командовало его макаронно-брючное величество.— Информирую цейлонское руководство об отрицательном отношении моей фирмы к его намерениям. Подвластные мне магазины (а их ни мало ни много 234) откажутся продавать цейлонскую продукцию, в особенности расфасованный чай. Точка. Все.

Однако напрасно лорд Зифф кипел и бурлил, как чайник, который забыли снять с конфорки. Правительство Цейлона не испугалось. Акцию лорда Зиффа в Коломбо квалифицировали как «экономический шантаж». Цейлонское правительство порвало дипломатические отношения с Тель-Авивом.

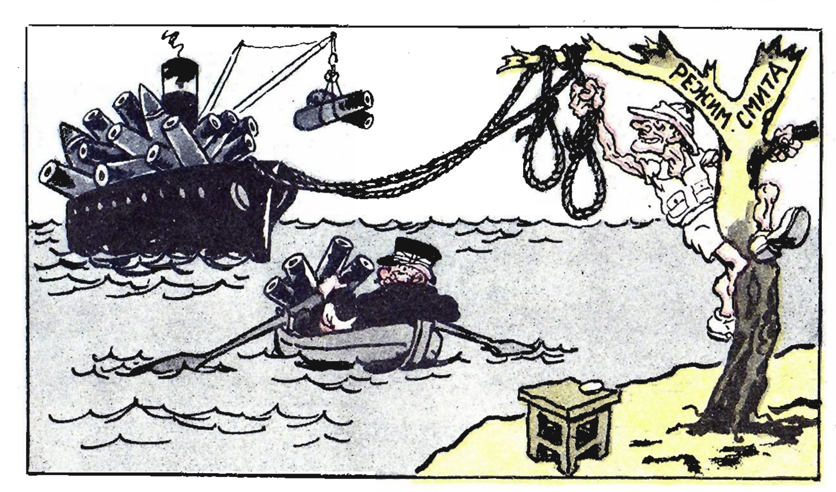
Почтенный старец не случайно пренебрег рекомендациями врачей. Израэль Зифф — активнейший и фанатичный сионист. Денно и нощно его преследует навязчивая идея — согнать со всего света людей еврейского происхождения в «национальный очаг», в Израиль. Ему плевать, что эти люди говорят на разных языках и считают своей родиной те страны, где они родились. Кстати, сам сэр Израэль Зифф и не помышляет переселяться в «землю обетованную». Зачем? Он прелестно себя чувствует и в Лондоне. Израиль для него — нечто вроде личной загородной виллы, любимой игрушки, которой он тешит свое сердце.

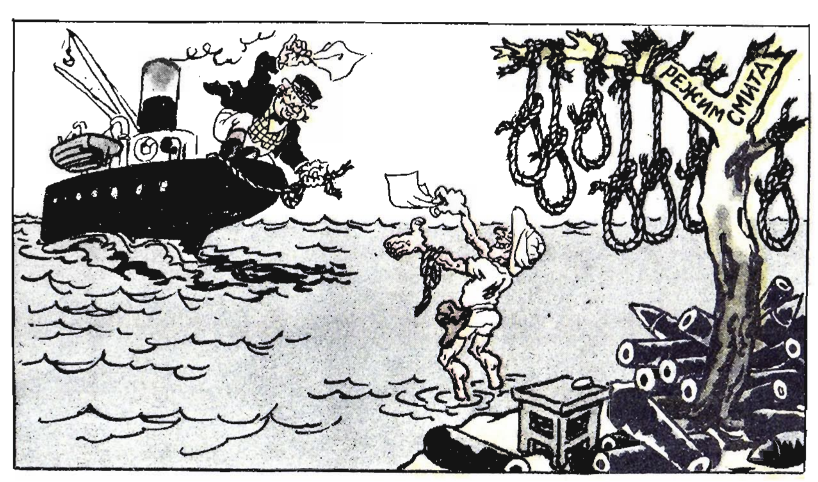
А игра идет солидная, по крупным ставкам. Ведь Зифф занимает руководящее положение в исполкоме Всемирной сионистской организации и Всемирного еврейского конгресса. Вместе с другим владельцем сети крупнейших универмагов в Англии и Западной Европе Исааком Вольфсоном Зифф занимает пост одного из почетных президентов крупнейшей в Англии сионистской организации по сбору средств в пользу Израиля «Юнайтед Палестайн эпил». Ее председателем, кстати, является Микаел Сахер, родственник Зиффа и управляющий компанией «Маркс энд Спенсер». Недавно на частном обеде, устроенном ЮПЭ по инициативе Зиффа в лондонском отеле «Савой», 400 гостей в паузе между вторым и третьим блюдами за считанные минуты отвалили в израильскую казну 2 миллиона фунтов стерлингов.

Израэль Зифф не случайно был центральной фигурой экономической конференции миллионеров в Иерусалиме и других вселенских сборищ финансовых тузов, подкармливающих сионистских «ястребов». Без долларовода Лондон—Тель-Авив израильские экстремисты не смогли бы с таким размахом закупать оружие для агрессии против арабских стран.

Связи Зиффа с Израилем, отмечает газета «Джуиш Обсервер», всегда были очень тесными. Невзирая на преклонный возраст, английский лорд то и дело совершает туда вояжи. Многое тешит там его тщеславие. В Израиле существует обычай присваивать имя жертвователя общественным и иным зданиям, построенным на его счет или при его главном участии. Вряд ли такое произойдет в Англии, но в Израиле имя лорда Зиффа попадается чуть ли не на каждом шагу.

Израэль Зифф с зимы 1969 года — первый почетный гражданин Иерусалима, живущий за пределами Израиля. Но он почему-то не спешит именоваться израильским подданным и заседать в кнессете. Он предпочитает занимать место в палате лордов и произносить там ежегодно по три речи на экономические темы.

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ. Рисунок А. БАЖЕНОВА

Недавно в лондонских магазинах появилась книга, широко разрекламированная в английской печати. Смысл анонсов сводится к следующему: «Хотите стать богатыми и уважаемыми подданными Ее Величества и Британской империи? Покупайте и читайте книгу «История фирмы «Маркс энд Спенсер». Всего пятьдесят шиллингов. За такую ничтожную сумму вы сможете узнать тайны и секреты богатейших людей Сити. Из торговцев «любой товар за пенни» основатели фирмы, вещает автор книги, благодаря своему «трудолюбию» и «разумным расходам» превратились в лордов и владельцев могущественной фирмы, чьи доходы за истекшие десять лет возросли на 225 процентов, а торговый оборот в последнее время дошел до миллиарда долларов.

Но если читатель захочет познакомиться с действительной историей возникновения семейных сокровищ Зиффа, он не найдет на этот счет никаких исследований или публикаций. Никто не расскажет ему об аферах компаньонов, о подкупах сотрудников конкурирующих фирм, о пожарах и прочих «стихийных» бедствиях, постигавших соперников двух друзей детства Израэля и Симона, обменявшихся сестрами в знак заключения делового союза и женившихся на них. Так возник деловой и родственный союз главных компаньонов фирмы «Маркс энд Спенсер», делами которой сегодня руководит лорд Зифф.

Израэль Зифф отнюдь не бескорыстно посещает «землю обетованную». Он наведывается сюда не только, чтобы помолиться у Стены плача — религиозной святыни иудеев, но и проверить работу своих приказчиков, торгующих в его магазинах в Тель-Авиве, Хайфе и других городах. Он извлекает из своих отношений с Израилем тройную выгоду: поддержку деловой активности фирмы «Маркс энд Спенсер» со стороны других миллионеров-сионистов; при помощи хорошо поставленной рекламы и пропаганды своего участия в деятельности сионистских организаций и израильских делах Зифф обеспечивает покупателей для многочисленных продмагов и магазинов готового платья в Европе; через созданную в Израиле торговую сеть и фирменные филиалы, пользуясь принципом наибольшего благоприятствования, улавливает деньги израильского покупателя.

Один американский автор как-то сформулировал сущность людей, подобных Израэлю Зиффу: «Сионист — это человек, берущий деньги у другого, чтобы отправить их третьему в Израиль». Мы можем продолжить его мысль, исходя из наших данных о Зиффе и его «благотворительных» делах: «Чтобы затем извлечь их оттуда и положить большую часть себе в карман».

Не зря так вдохновенно подпевал Зифф многогласному хору участников одной из экономических конференций еврейских миллионеров в Иерусалиме, когда на ее открытии они запели ветхозаветный псалм, в котором просят бога ниспослать процветание во дворцы. Да, именно в роскошные дворцы и виллы фешенебельных кварталов Парижа и Лондона, Нью-Йорка и Рима, Лос-Анджелеса и Филадельфии, Манчестера и Кейптауна, где проживают Зиффы и Сахеры, Ротшильды и Лимэны, Лазары и Дрейфусы, Оппенгеймеры, Фишеры, Анненберги, Мирельманы, Зеллигманы. Их резиденции находятся за тысячи и тысячи километров от «национального очага», но связаны сионистскими узами с дворцами в Иерусалиме и Тель-Авиве, где делают политику и где меньше всего думают о нуждах и чаяниях простых граждан государства Израиль...

МИНИ-ТАРА.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Г. РЫКЛИН

МОДНЫЙ РАЗГОВОР

— Привет, милая Маргарита!

— Уже две недели, как я перестала быть ею. Маргариты вышли из моды.

— Кто же ты теперь такая?

— Марго.

— Привет, Марго!

— И «привет» не модно. Надо говорить: «Салют!»

— Салют, Марго!

— Салют! А тебя как сейчас зовут?

— Как всегда, Ирина.

— В последнее время не носят таких имен. Буду звать тебя Ирэн.

— Согласна. Что у тебя нового?

— Поздравь меня, Ирэн, я вышла замуж.

— Опять?!!

— Сейчас удивление не в моде. Вышла — и все. Уже третий день.

— Удачно?

— Не совсем.

— Пьет?

— Хуже. Бреется. А теперь в моде борода. К тому же у него на голове шевелюра. Шикарная шевелюра.

— А это плохо?

— Очень. В последнее время даже поэты обходятся без шевелюры. Все завели себе лысины.

— А у женщин какие прически в моде?

— Никаких причесок! Только лохматые космы.

— Как это интересно!

— Но надо соблюдать сугубую осторожность: не мыть волос, не причесывать. Помоешь голову — и сразу выходишь из моды, выглядишь мещанкой.

— А какой цвет волос?

— Еще недели полторы будут в моде рыжие. А потом, говорят, перейдут на оранжевые. Стопроцентный модерн!

— А глаза?

— Что глаза?

— Какого цвета?

— Без цвета. Надо вокруг глаз налепить много разной краски, чтоб цвет глаз был совсем не виден.

— Ох... спа... си...

— Ты кашляешь, Ирэн?

— Так, немножко.

— Теперь такой кашель не в моде. Кашляй громче, явственней, по-современному. Сходи к врачу.

— Была.

— Надо обратиться к самому модному врачу. К самому модному. И требовать, чтобы он тебе прописал самые модные лекарства. Но не такие, чтоб потеть. Помни, потеть сейчас не модно. За границей сейчас потеют только низкооплачиваемые мужья.

— Ой, Марго, как все это тяжело!

— Ничего не поделаешь. Хочешь быть интересной — модничай. Ох, Ирэн, я с тобой заболталась! А мне еще надо забежать к одной старушке, купить у нее одну старинную вещичку. Не для меня, а для мужа. Скажу тебе по секрету: божья старушка продает старинную икону.

— Твой муж верующий?

— Не смеши меня, пожалуйста. Он такой же верующий, как мы с тобой. Но теперь большой шик — приобретать иконы. Имей в виду, сейчас в ходу Варвары-великомученицы. Если будешь покупать, гляди в оба: могут вместо Варвары подсунуть какую-нибудь святую, которая давно вышла из моды. Салют, моя дорогая!

Федор МАКИВЧУК

СМЕШИНКИ И ПЕРЧИНКИ

ЖАЛЬ-ЖАЛЬ...

Иные руководители узнают о состоянии здоровья своих кадров по черной рамочке на последней странице газеты.

— Это ж надо, Петренко умер! Дела, а? А я как раз собирался на коллегии ему изрядно всыпать. Ведь до сих пор за первый квартал отчета не сдал. Гм-да, жаль, жаль...

КОГДА НАМ ЗА ПЯТЬДЕСЯТ

— Как здоровье?

— Да так... Хуже, чем было, но лучше, чем будет.

СОГЛАСНО НАУКЕ

Прислали в колхоз новоиспеченного зоотехника, выпускника сельскохозяйственного института. Вскоре приходит к нему заведующий птицефермой.

— Посоветуйте, Петр Иванович, что делать? — говорит. — Что ни день — куры дохнут и дохнут.

— А вы их чем кормите? — спрашивает зоотехник.

— Да чем придется. То ячменем кормим, то овсом.

— Это плохо. Согласно науке, их следует кормить просом.

Проходит несколько дней.

— Петр Иванович, снова сдохло сто пятьдесят кур.

— А какой водою вы их поите?

— Обыкновенной, из колодца.

— Это очень плохо. Согласно науке, кур следует поить только теплой водой.

Проходит неделя.

— Петр Иванович, сдохла еще сотня кур. Ваши советы что-то не помогают. Может, наука знает какие-нибудь рекомендацни получше?

— Послушайте, дорогой мой, — отвечает новоиспеченный зоотехннк. — Наука имеет еще множество радикальных рекомендаций, но вы сначала скажите, много ли у вас на ферме кур осталось?

ДУМАТЬ НЕ ВСЕГДА ПОЛЕЗНО

Семейство любителя автотуризма, едучи летом в Крым, остановилось у мотеля «Зеленый гай» иа ночевку.

Вот отец и говорит восемнадцатилетнему Жоржику, студенту философского факультета, флегматику и мыслителю:

— Мы с мамой переночуем в гостинице, а ты, сынок, останься на ночь в машине. Только не спи, Жорик, а то здесь, поговаривают, такие артисты шатаются — подметки на ходу рвут. А выспишься завтра, в дороге.

— Хорошо, папа, я ие засну, я буду просто сидеть и думать.

Около полуночи отец подходит к окну и восклицает:

— Жорик, ты не спишь?

— Я не сплю, папа.

— А что ты делаешь?

— Думаю.

— Про что же ты думаешь?

— Думаю, доедем ли завтра до Алушты.

— Ну, хорошо, думай себе, только не спи.

Где-то через часок отец снова у окна.

— Жорик, ты не спишь?

— Я не сплю, папа.

— А что ты делаешь?

— Думаю...

— Про что же ты думаешь сейчас?

— Думаю, теплая ли сейчас вода в Черном море.

— Хорошо, думай дальше, только не спи.

На рассвете отец снова выкрикивает из окна:

— Жорик, ты еще не заснул?

— Нет, папа.

— А что ты делаешь?

— Думаю.

— А про что же ты сейчас думаешь?

— Думаю, доедем ли завтра до Алушты?

— А почему ты снова про это думаешь?

— А ночью, папа, кто-то все четыре ската с нашей «Волги» снял.

ПО МУДРОМУ ПРИНЦИПУ

К прокурору Златопольского района зашел уже не молодой посетитель, явно сельсиого происхождения.

— Хотел бы получить у вас одну маленькую консультацию.

— По какому вопросу?

— Да не по вопросу, а по судебному делу.

— По какому делу?

— Да присудили мне год принудиловки за самогоноварение. Так вы посоветуйте: оспаривать решение суда или, может, и рыпаться не стоит?

— Лучше не рыпаться, поскольку могут еще годик добавить.

— Вот спасибо вам. В точности так мне и вышнепольский прокурор сказал.

— Постойте, при чем тут вышнепольский прокурор?

— Да я ведь из Вовнянки, Вышнепольского района, родом.

— А чего же тогда вы ко мне приплелись?

— Да, знаете, подумал: одна голова — хорошо, а две — лучше.

Перевод с украинского.

И. ТАРАБУКИН

А им все равно!

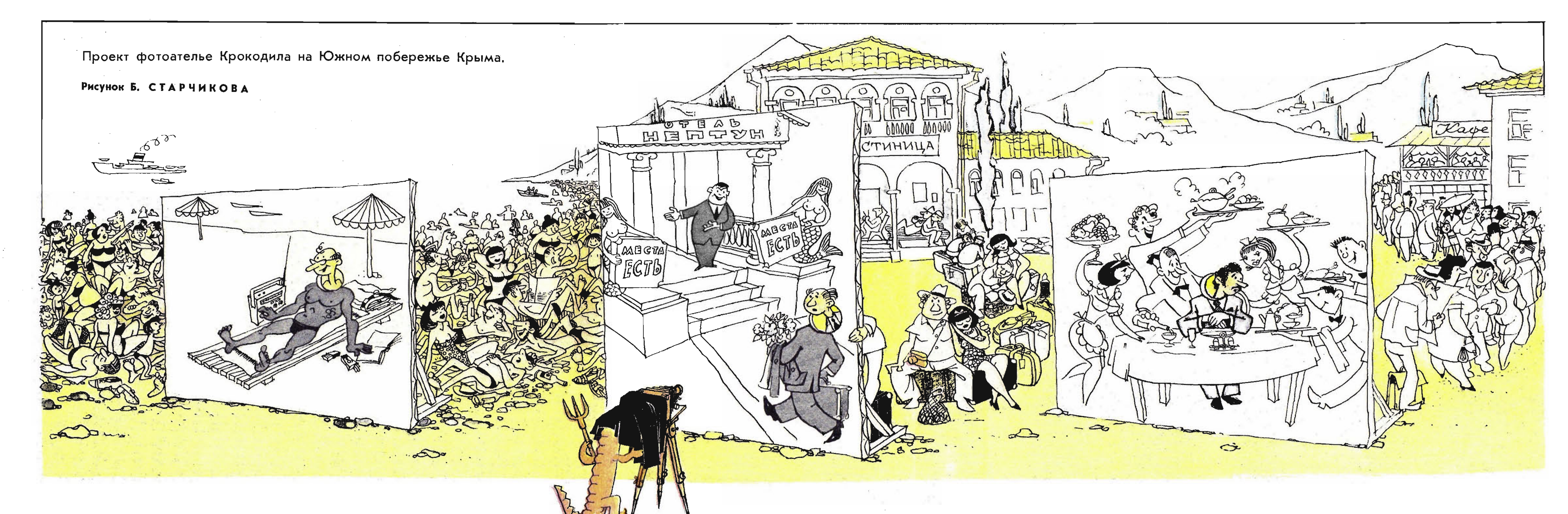
Давно за углом
Растет новый дом.
Что-то обвалилось
Там опять вчера...
«А нам все равно!
А нам все равно!..» —
Лихо распевают
Песню мастера!

С экрана кино
Влетела в окно
И звучит весь вечер
Песня про сову:
«А нам все равно!..
А нам все равно...»
И про то, как зайцы
Косят трын-траву.

Пальто для мужчин
Везут в магазин.
И фасон немодный,
И унылый цвет...
«А нам все равно!
А нам все равно!
Модно иль немодно,
Купят или нет».

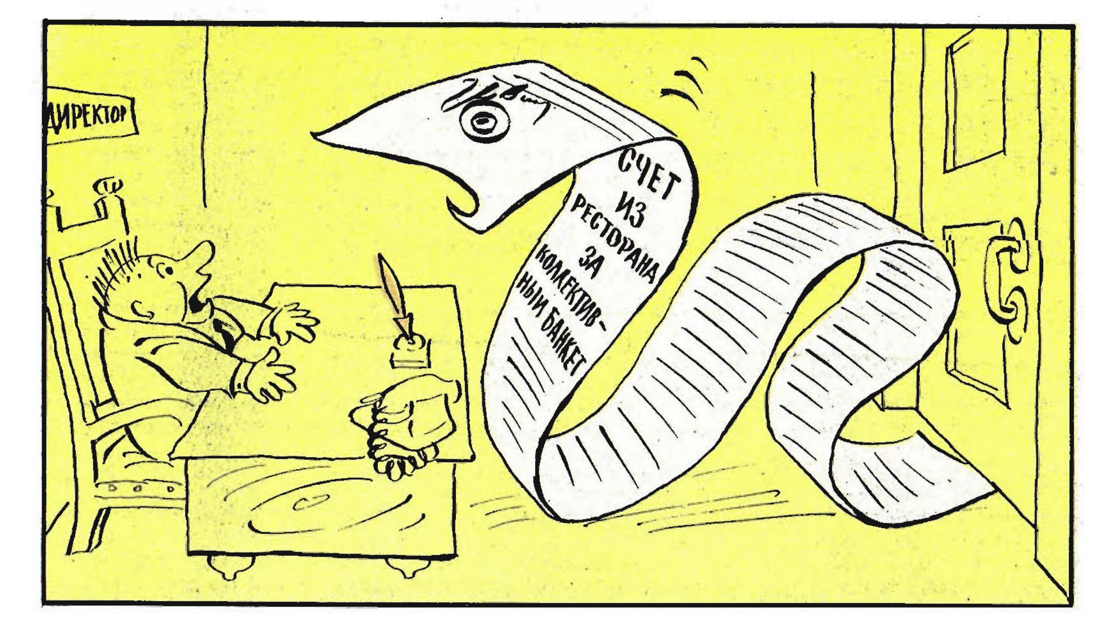
Взывает ко мне
Плакат на стене.
А на нем трехлетней
Давности призыв...
«А нам все равно!
А нам все равно!..» —
Мне опять все тот же
Слышится мотив.

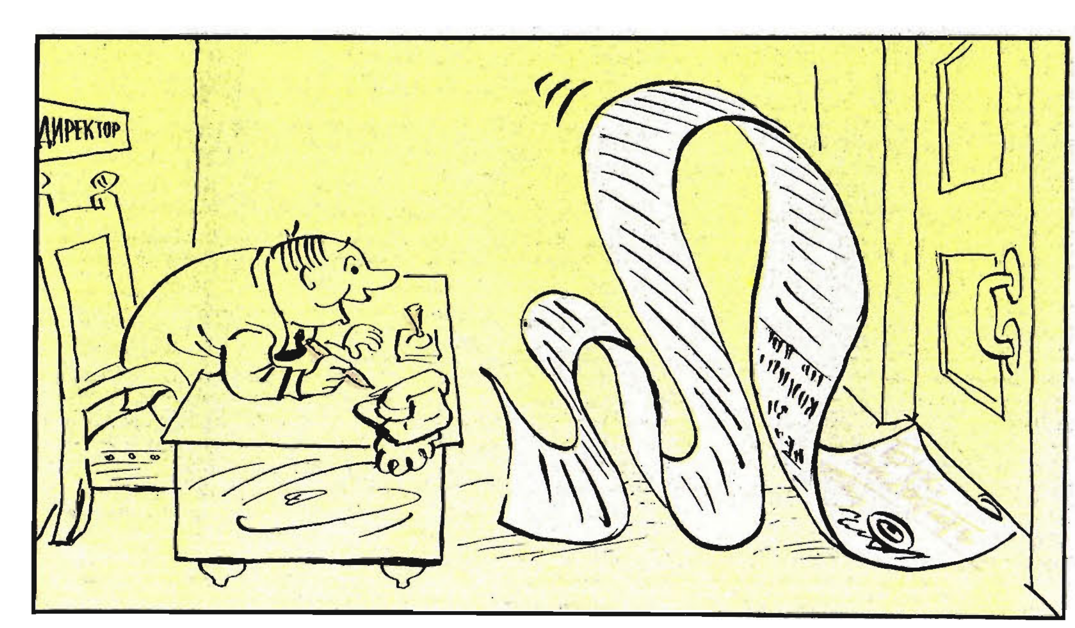
Еще «все равно»,
И брошусь в окно!
Может, этим совесть
Чью-нибудь встряхнет.
«А нам все равно!
А нам все равно!..» —
Где-то радиола
Весело поет.

Проект фотоателье Крокодила на Южном побережье Крыма.

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

Укротитель.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

А. МОРАЛЕВИЧ, специальный корреспондент Крокодила

РОМАНТИЧЕСКИЙ ПАРЯ

Недолговечностью предметов отмечено наше время. Только что произведенный сервиз немедля гибнет в семейных трениях. Вчера звали лайнером самолет «ТУ-104» — и больше уж не зовут, сходит с трасс, устарела машина.

Лишь одна только вещь — и вы согласитесь — полвека у вас под рукой и служит полвека — это дедушкин выдровый воротник, фасон шалью. После службы воротником он был трансформирован в ваш треух. Потом в капор вашего сына. Потом в капор внука. Наконец, в отделку на платье жены того внука.

И вот скорняк мнет лоскутья в ладонях, пахнущих нафталином. Скорняк говорит:

— В самый раз, гражданин, создать из этого искусственного мыша. Определенно возьмется сом.

Но сом — это крайность. И дедушкин воротник продолжает полезную службу. В подъезде есть девушка, гимнастическая призерка, и она сшила себе наколенники из выдры для особо простудных дней.

А бывший владелец, оставшись с пустыми руками, идет в магазин. Ему нужна меховая шапка, капелюх младенцу.

И — трагедия: нет ничего в магазине, все реже встречаемость мехового изделия. Каких-нибудь лет двадцать назад требовались только деньги и свободное время — посетить магазин, торговую точку. Десять лет назад вопрос решался разве с помощью Саломеи Артемовны, родственницы с прямыми мощными связями. Сейчас меховой вопрос не решить вам вообще.

Диагноз беды простой: ввиду отчаянных условий работы сходит на нет, отмирает промысловый охотник.

Жизнь, конечно, кипит. Ученые сцепляются в спорах по проблеме «хищник — жертва». Периодическая печать дает нам заметки фенологов об аромате лугов и что «человечеством накоплены большие знания о синице». Оживленна перепалка в эфире: «Охота — бесчеловечно!», «Охота — прекрасно!», и эрудиты мордуют друг друга цитатами из Пришвина и Мелвилла.

И лишь иногда мелким форматом проскочит снимок: харцагинская лайка, замороченный нахрапистым репортером охотник, и подпись гласит: «Двадцать первый сезон отдает промыслу (имярек). Ждем с добычей, паря!»

Паря выходить с промысла должен в марте. Но он торит тропу домой уже в декабре. Глаза его по-кроличьи красны от дыма костров, худ он безмерно, потому что зимой тело промыслового охотника вымерзает удивительно быстро, и он несет на себе домой столько блох, что не счесть электронной машиной. Паря возвращает госпромхозу лицензии — все непогашенные,— сдает оружие и переходит из охотников в точильщики пил на лесной разработке. Он притуляется на пеньке и ширкает по зубцам, а мимо, якобы просто случайно, идет охотовед госпромхоза.

— Витальич,— говорит охотовед госпромхоза,— а вот летал самолет, где ты охотничал. Пилоты видели пять лосей.

— Там восемь,— говорит остыло охотник, углубляясь в точение. Ну как объяснить бестолковому, что лосей там восемь, но все за хребтом, в полутора днях пути от зимовья, и лошадь не подымет обратного груза из-за этих гор? Промысловик с одного места мог добыть всех зверей. А кто даст вертолет это вывезти? Хр-ха, хр-ха — снует по зубцам напильник Зарплатой новой не погордишься, зато твердая, в определенные числа.

Так один точит пилы, а другой великий охотник перекидывается в егеря, в заказник Урей, а с третьим мы водим большую печаль беседы в отдаленном селении Калакан, где когда-то было больше тысячи промысловых охотников, а ныне один. И лишь арифмометр «Феликс» сохранился от прежних времен,— стоял он на печке, и на нем сидел кот, лизал шерсть, ибо в Калакане больше не требуется исчислять добытую дичь арифмометром: любой здешний счет уместится на пальцах.

Хозяйка поставила бруснику на стол, в миске соленую рыбу, хозяйка сказала:

— То-то куры в клети дралися. Верно — к гостям.

Гости ковырялись в бруснике и собеседовали:

— Ты Виктор, зачем охоту бросаешь? Отшибность здесь для молодого, скудость, так перебирайся в Мензу. Там кедровик, охота надежная. Опять же Менза — населенный пункт девушки водятся.

На это молодой промысловик отрубал: вообще Менза — дело, но снова охотником — нет. Вот в пожарные парашютисты — там обеспечение твердое, не только жениться можно, можно и дитя заводить.

Этот человек не охотится больше, а у вас шапка из капронового каракуля и воротник пальто вязан плоско-фанговой машиной из материала воннел.

И в момент, когда вы тяготитесь мыслью об отсутствии греющих тело предметов, а попутно о корявой судьбе промыслового человека, бодро хлопает вас по плечу некто членствующий и говорит, что нелепо журиться. Что кривая прекрасна, прет вверх.

Кривой можно выразить все. Кривая численности охотников-любителей выскакивает из графиков любой ширины.

— Три четверти союзной пушнины и мяса добывают любители! — шумит и ликует бодряк.— Вообрази: слесарь, завод, прилежание, заслуженный отпуск, кто-то там в Сочи, а он в Могочу! Котомочка, тулочка, сухаришки, кислород, первоснежок! Бац — белочка. Пах — косуля на экспорт в шкуре!

— Да – говорите вы бодряку.— Куда уж. Пейзаж. Приработок. Возле городов три охотника на одну лису.

— Что-с? — начинает злиться бодряк.— А два выходных дня — вы это забыли? Любительская охотничья сфера расширится.

Бодря вне себя, но тем не менее: зверовые угодья страны таковы, что до трех четвертей лучших угодий не добирается нынче никто. Они очень дальние. Туда добираться неделями, экспедиционной охотой. Опромыслить эти угодья может только живущий на месте профессиональный охотник.

Поэтому не будем отзываться на выкрики: «Недооценка любительства? На каком-то этапе вас проглядели, товарищ?!» Скажем: самодеятельный театр, конструкторское на общественных началах бюро — браво! Благо. Но живы мы все-таки тем, что главной нашей опорой являются профессиональные ЗИЛ и МХАТ. Профессионалы любимы, им большая опека.

Ничего не будет, если город Горький еще четверть века поразмышляет над идеей снегохода для профессиональных охотников. Ничего не будет, если в стране и через пять лет не откроется ни одного заведения для подготовки профессиональных охотников. (Есть для маникюрш, для стекольщиков есть, трубочистов готовят, охотников — нет.)

Тридцатый год по падям, ключам, уремам и релкам шастает слух: разрабатывают, разрабатывают. Вот-вот совсем разработают! Это шастает слух об охотничьей одежде и обуви. Реальность же такова, что юмурченский охотник Ланцев, сносив самодельность обуток, по скалам и чертолому за охотничьим объектом бежит босиком так, что вокруг плавится снег и лед. А потом скрипит зубами на таборе, и единственный промысловый медбрат — собака зализывает ему на ногах простудные раны. А печка в палатке бредовая (тоже не взять никак союзной конструкторской мыслью), и палатка рвань-рванью, а купить бы это — шинельного сукна, брезента палаточного, кожи на прохоря, байки портяночной в сельском ларьке — так замок на ларьке и текстура:

ЗАКРЫТО ПОТОМУ, ЧТО НЕТ НИЧЕГО

Нервно прикорнет хозяин тайги до рассвета, а с рассветом выйдет скрадывать зверя. Панорама будет такая: в бинокль вы смотрите с соседней горы. В поле зрения три изюбра. Вы видите, как охотник зашел под ветер, как он приближается к зверям. Вот он стал пнем. Валуном. Ничем. Корягой. Вот он вскинул к плечу сверхновый карабин «лось», стреляет, один зверь ранен, все мечутся на месте — «котлом», сейчас он еще выстрелит. А тишина.

Когда вы подходите, промысловый охотник сидит в снегу с целиком черным от злобы лицом. Он выстрелил первый раз и передернул затвор. Он еще нажал на курок, он давил так, что кость в пальце хрустнула,— пусто. Звери ушли, а потом он увидел, что от сотрясения после первого выстрела обойма «лося» открылась и патроны выпали в снег. И теперь ему много верст надо гнать за сторожким подраненным зверем, крючиться у костров и в прожженной сквозистой одежде снова бежать, бежать.

А дальше, кого бы ни взял ты, соболя или медведя, горностая, изюбра, надо ободрать тушку, тушу, и это тоже муторный труд. Какие охотничьи ножи видите вы в магазинах? Здесь выдают за охотничий нож шинковальное диво из мягкой, небриткой стали, пластмассовая его рукоять на морозе жжет, сводит пальцы. Есть другие ножи: наведываются из Ленинграда два ИТР, заполняют вакуум спроса. Каждый год багаж двоих ИТР — одни только клинки-самоделки. Продают по червонцу, оправдывают дорогу и отпуск. Но и этим любительским безобразием шкурку не снять как надо, и ночью, при свете жирника, сидит в зимовье охотник, ветер высасывает из печки тепло, кричат потревоженные совою вороны, а он зубами зачищает горностаеву шкурку, и насколько это приятно — можете судить по тому, что и собаки не едят горностая.

Утром же снова изнурительный путь, и смущайся, как бы в твое отсутствие не нагрянул на табор медведь-шатун. Медведь рвет всю добычу на таборе усть-карского охотника Тучина, и Тучин не получает ни копейки: твой риск, дорогой...

Охотник, ясно, настигает медведя и в ярости расстреливает его, но добытые шкура и мясо на мизинец не окупят убытки. Рублей десять охотнику кинут за шкуру, так пусть кто-то еще волочит на себе через горы и бурелом два пуда за десять рублей.

С грузом мыслей, более тяжких, чем любая добыча, бредет человек из тайги. Как, скажите, ему быть охотником? Трехлинейная винтовка состарилась, сходит. Верное было оружие, приятная сердцу цена: двадцать пять рублей, патрон — три копейки.

И вот сменяй трехлинейную винтовкой «медведь», но на цену тут уже не облокотиться — четыреста восемьдесят рублей, «лось» — двести восемьдесят, патроны — четырнадцать копеек за штуку, и есть еще «барс», двести восемьдесят восемь рублей, патрон — двенадцать копеек.

Ты идешь с этой винтовкой—она за твой счет, боеприпас за твой счет, жизнь за твой счет,— и не прикрыт ты с тыла ни отпуском, ни профсоюзом, ни двумя выходными, ни днем нормированным, ни возможностью хоть раз в месяц видеть семью.

Ты приходишь на табор, грызешь из кулака сухомятку и холодно спишь. А если к тебе на табор забредет редкостный ныне коллега, ты от счастья разбиться готов и хлебаешь с гостем из единственной мятой миски дикарское блюдо «шуля». И когда гость спрашивает, почему это твоя собака рычит, ты говоришь правду волей-неволей:

— Из ее миски хлебаем, она и серчает.

* * *

Мы видели только фигуру, романтическую фигуру промыслового следопыта. Теперь нам надо поднять глаза на ее лицо. И мы увидим, что лицо романтической фигуры страдальческое.

Читинская область.

Сбылось!

Сейчас такое поветрие — снимать скрытой камерой. Полгода назад приятель мой, Саша Хромов, уступил беременной женщине место в автобусе. И что вы думаете? Скрытой камерой этот факт заприходовали, а через месяц вышел Хромов на всесоюзный экран. На работе ему сразу путевку в Цхалтубо вне очереди, на Доску почета, само собой, и прочие льготы. Вот с тех пор и засел мне в голову хороший план: прогреметь с помощью скрытой камеры на всю страну.

Вспомнил я один фильм, в котором показывали людей в картинной галерее: кто как картины смотрит. И стал я ходить в галерею. Выбрал одну картину, где женщина лежит без ничего. Женщина как женщина, только голая. Я б такой срам, конечно, из зала выкинул, ведь здесь же и дети бывают. Но народ почему-то около нее толпится. Я тоже, значит, подойду, голову наискосок пристрою, глаза прищурю и тоскую, как вроде бы разбередила эта гражданка мне душу.

Месяца два тосковал, все дежурил, ждал скрытых съемок. И все впустую.

Но надежду не теряю.

Возвращаюсь я как-то раз с работы. Вдруг слышу крик:

— Отпустите меня! Как вам не стыдно!

Смотрю, дамочка лет двадцати пяти, а может, больше, хочет сесть в такси, а какое-то, извиняюсь, мурло схватило ее за руку и ухмыляется.

Вдруг вижу: за деревом мужчина в берете прячется, седой такой мужчина, представительный. А в руках у него кинокамера стрекочет. Я сразу все смекнул. Дамочка с тем парнем вроде подсадных уток. А этот, седой, укрылся за деревом и снимает кино о равнодушных людях. А люди об этом не догадываются и бегут себе мимо.

Хватай, думаю, Коля, свой шанс!

Подошел я к такси и говорю: так, мол, и так, отпусти, говорю, верблюд, женщину. А он на меня ноль внимания. Оглянулся я на того, что с камерой, чтоб лицо крупным планом вышло, и размахнулся...

Ударить, правда, я не успел. Вышиб мне тот верблюд неплохой еще зуб и скрылся. Жаль зуб, зато в кино крупным планом покажусь. Подхожу к гражданину с камерой.

— Ну, так что, — говорю, — успели снять?

— Успел, — говорит. А сам счастливый такой, довольный.

— Ну и как? — спрашиваю.

— Это еще что, — говорит, — я вот на днях сразу шесть бабочек в кадре держал.

— При чем тут, извиняюсь, бабочки?

— Как при чем? Я ведь фильм делаю об их жизни.

Вы только подумайте! Человек зубы теряет в борьбе с хулиганством, а он бабочек снимает!

— Эх, папаша, — говорю, — не об той жизни фильм делаешь, не чувствуешь ты пульса времени.

Перестал я искать скрытую камеру. А она меня нашла.

С месяц назад вызывает меня начальник. Захожу к нему в кабинет, становлюсь на ковер. Он мне и говорит:

— Опозорили вы, Сундуков, наш коллектив! Запятнали его незапятнанную честь! И нет вам снисхождения, а также премии за квартал!

Я даже сел от таких слов.

— Встаньте, — говорит. — Сундуков, идите в кинотеатр «Ударник» на продленный сеанс и полюбуйтесь!

Пошел я на продленный сеанс. Показывали фильм о правилах хорошего тона. И после слов «Правильно ли мы едим?» на экране появилась столовая № 4. Сколько там было людей, а выбрала проклятая скрытая камера меня. Тарелку наклонял я неправильно. Раз! Мясо от зубов руками отрывал и зубами цокал. Два! Из компота фрукты вилкой доставал. Три! Короче говоря, допустил ряд грубейших ошибок.

Выбрался я из темного зала кинотеатра «Ударник», от стыда горю, как жить дальше, не знаю.

Вот она, слава-то! Завоешь от такой славы!

«НЕ ЗВЕРЬ И НЕ АНГЕЛ»

Сон контролера Нибуто

Директор Кондзелек был возмущен.

— Садитесь, — сказал он строго, показав на стул. — Вы распространяете на территории предприятия сплетни. Занимаете ответственный пост, старший контролер, не кто-нибудь... и вдруг такие возмутительные разговоры: будто бы вы высекли нашего министра розгами, да еще в голом виде. Чудовищно!

Цимелиуш Нибуто поднял глаза и прошептал:

— Мне очень жаль, пан директор, право, но мне приснилось... Человек не властен над своими снами...

— Не думайте, что вам будет позволено, — прервал его директор, — сеять смуту среди коллектива под предлогом пересказывания собственных бредовых снов. Отдаете ли вы себе отчет, к чему может привести подрыв авторитета министра, да еще вдобавок министра нашего ведомства?

Цимелиуш Нибуто сник под испытующим взглядом начальника.

— Конечно, конечно, — пытался объясниться он, — но ведь я вовсе не розгами его сек, а хлестал березовым веником.

— Не вижу принципиальной разницы. Вы глумитесь над паном министром. А это, знаете ли, чудовищный цинизм. Чтобы мой, мой подчиненный во сне поднял руку на товарища министра!

Нибуто грустно пожал плечами:

— Понимаете, пан директор, это, наверное, потому, что в нашей полковой бане товарищ подпоручик, то есть, извините, пан министр, очень любил, когда я проезжался по его хребту березовым веником.

Директор раскрыл рот.

— Почему же вы мне сразу этого не сказали? Значит, ваш сон имел под собою, так сказать, реалистическую основу! Значит, вы служили с паном министром в армии... Можно сказать, товарищи по оружию. Хе, хе... Я рад, что ваш сон был отзвуком славного прошлого. Ну, раз уж так сложилось, то знайте, что, если вам когда-нибудь захочется съездить в столицу, освежиться, так сказать, припомнить славный боевой путь со старым армейским другом, вы всегда можете рассчитывать на служебную командировку. Вы имеете полное право, голубчик, видеть сны на министерском уровне. А будете в Варшаве, передайте при случае привет всем вашим дорогим знакомым...

«ЧИЧИКОВ»

Перевел с польского **Н. ЛАБКОВСКИЙ**

Сто сорок на девяносто

Я человек не отсталый, газетки почитываю, но со всем согласиться не могу: свое мнение имею.

Вот, например, пишут и предупреждают: не занимайтесь самолечением. А уж это, товарищи врачи, мое личное дело. Что моему организму полезно, а что нет, я один знаю.

Только стал я себя последнее время неважно чувствовать. Голова болит без перерыва. Вялость какая-то. Так бы лег и лежал. А вроде еще рановато. У меня самый расцвет: пятьдесят исполнилось.

Стала жена терзать:

— Сходи в поликлинику.

Пошел. Попал удачно, без очереди. Врач мне руку черным бинтом обмотал и говорит:

— Плохо дело. Давление пониженное — сто на шестьдесят пять. Лечиться надо. Повышайте свое давление. Больше волнуйтесь. Самое милое дело — с женой поругаться.

— Вы на что, — спрашиваю, — меня толкаете? Со своей женой хоть десять раз на день ругайтесь. А мы с Манечкой двадцать пять лет живем душа в душу.

Врач только плечами передернул:

— Не хотите, как хотите, я о вас беспокоюсь. Может, на работе у вас неприятности начнутся...

Никакого облегчения мне эта поликлиника не дала.

Помог случай.

Возвращаюсь дня через три со второй смены, вижу: прямо под фонарем на освещенной улице два парня к девушке пристают. Мимо народ идет, отворачивается и делает вид, что ничего не замечает. Ужас, как я это не люблю.

Подхожу, отвожу парням руки и говорю:

— Марш по домам.

Один отвечает:

— Иди, дед, пока цел.

Тут меня прямо в жар бросило. И такого я им «деда» показал, что, когда милиция прибежала, они только носами хлюпали.

Подхожу я к своему дому, чувствую: петь хочется. Бодрость необыкновенная, и голова болеть перестала.

Утром — в поликлинику. Вошел в кабинет и требую:

— Скорей меряйте, пока я в расцвете.

И что вы думаете? Сто сорок на девяносто. Врач удивился, говорит:

— Отлично. Держите такой режим.

Неделю ходил, как на свет родился. Потом хуже да хуже. Спасибо, общественность спасла. Один наш активист предложил:

— Дядя Ваня, может, ты к нам в добровольную народную дружину пойдешь?

Тут я возликовал: вот оно, мое спасение!

Дежурю я, конечно, с душой и даже с огоньком. Спуску никому не даю. Обидно только, что последнее время, как идем по улице, хулиганы прямо на глазах разбегаются.

Порядок порядком, а давление давлением. Давление опять пошаливает. Одна радость — реплики слышишь разные. Вчера, например, один увидел меня и кричит:

— Ребята, расходись по домам, скорей этот доходяга сдохнет!

Узнали откуда-то, подлецы, что я самолечением занимаюсь.

Мой почин теперь на заводе многие подхватили. От пожилых в дружину отбою нет, хоть караул кричи. А все почему?

Потому что сто сорок на девяносто.

«ДЯДЯ ВАНЯ»

Лопнуло терпение...

После того, как ученик слесаря Витя Желтков был задержан в заводской проходной с радиолампой и бутылью «Советского шампанского», когда в подшефной школе пропали штанга и бюст Аристотеля, когда с последнего в микрорайоне телефона-автомата срезали трубку, у предзавкома Ушастого лопнуло терпение. В результате появилось объявление: «В клубе предприятия состоится конференция по назревшим вопросам в части проблемы воспитания подрастающего поколения и вытекающим отсюда задачам коллектива в свете недавних решений завкома».

...С докладом на тему «Наследие Макаренко и вытекающие задачи родителей» выступал начальник ОТК:

— Пользуясь случаем, позволю себе с этой высокой трибуны спросить у работников отдела снабжения: до каких пор будут они поставлять ржавый, гнутый, перепутанный по маркам металл?

Следующий доклад, «Об обеспечении подшефной школы спортинвентарем, наглядными пособиями и тапочками», был поручен начальнику отдела снабжения.

— Прежде всего о безответственных выпадах предыдущего оратора, — сдвинув кустистые брови, мрачно загудел он. — Я с гневом отвергаю необоснованные обвинения в адрес вверенного мне отдела по части железа. Пока металл будет валяться под открытым, не всегда сухим небом, пока строители не достроят утепленный склад, так оно и будет...

Излив гнев, снабженец уступил трибуну начальнику ремстройцеха, подготовившему выступление «О воспитании детей в Древней Спарте, сооружении спортгородка, игровой площадки и комнаты смеха в свете решений...».

— Строители, елки-палки, всегда виноваты, — обиженным тенорком затянул докладчик. — Склад вам сдавай, гараж расширяй, клуб ремонтируй!.. А кадры где?

Начальник отдела кадров свой доклад «Производство и воспитание детей в свете последних постановлений...» оставил на стуле и энергичным, строевым шагом вышел к трибуне.

— Кадры решают все! — нервно выкрикнул он. — И вы сами виноваты, что кадры утекают.

Затем хорошо поговорили о культуре производства, работе заводской столовой, влиянии гонконгского гриппа на производительность труда и распределении садовых участков...

А на чердаке клуба восьмиклассник Костя Ушастый, сбежав с последнего урока, настраивал радиопередатчик, собранный из обрезанной телефонной трубки и радиодеталей, вынесенных с завода Витей Желтковым.

— Внимание, внимание! — зазвучал в эфире ломающийся Костин голос. — Говорит радиостанция «Железная маска». Начинаем концерт художественной самодеятельности. Популярную песню «Если б я был султан...» исполняет гость нашей студии товарищ Фантомас...

«ТАРАН»

— Вот исправлю механизм — тогда держитесь, браконьеры проклятые!

Рисунок И. СЫЧЕВА

С. БОДРОВ

ОВОЩНОЙ РАССКАЗ

Сижу я на работе и смотрю в окно. Во дворе весна. Огурцы еще дорогие.

Долго в окно смотреть нельзя: может создаться впечатление, что ты не работаешь. Я отворачиваюсь и рисую кружочки, чтобы сосредоточиться, но собраться с мыслями трудно. Комната — как проходной двор. Сотрудники бегают туда-сюда.

Прибежал Петров из соседнего отдела.

— Самый лучший отдых,— говорит он,— в путешествиях.

На Петрова внимания никто не обращает, хотя на нем новый костюм в клеточку. Вспомнил я, что на рынок надо сходить за огурцами.

Петров ушел, прибежал Данилов.

— В Австралии один человек,— говорит он,— электрическую лампочку съел.

На Данилова внимания не обращают, хотя у него голова перевязана. Мне бы не забыть жену с днем рождения поздравить.

Данилов ушел, забежала зебра. У нее шкура, как у моей жены шуба. Белая с черным, только полоски чуть пошире.

Зебра стоит на сквозняке, видно, что-то сказать хочет. А на нее внимания не обращают.

— Простудишься,— говорю,— на сквозняке.

И маню ее пальцем. Она подошла ко мне и легла за шкафом.

«А на рынке,— думаю,— кроме огурцов, ландыши можно купить».

В перерыв пошел я в столовую и съел комплексный обед за пятьдесят копеек. Щи зеленые, биточки, компот из сухофруктов. «Жена из огурцов салат сделает,— думаю.— Интересно, почем огурцы?»

Тут входит заведующий. На него внимание обратили, хотя ничего особенного в нем нет. Заведующий как заведующий.

Он воздух понюхал и спрашивает:

— Чем это пахнет?

Одна женщина встрепенулась и говорит:

— Ах, это от меня пахнет новыми духами. «Быть может...» называются.

— Нет,— говорит заведующий.

Я вспомнил, что зебра за шкафом лежит.

— Это,— говорю,— наверное, зеброй пахнет. Зебра какая-то пришла.

— Сколько раз,— сказал заведующий,— я просил без дела посетителей не пускать. Уведите ее, она меня раздражает.

Прихоть, конечно. Как она его раздражает, если она за шкафом лежит? Но приказ есть приказ.

Вошла Верочка в белом халатике, новая лаборантка.

— Верочка,— говорю я ей,— уведите, пожалуйста, зебру. Она за шкафом лежит.

— С удовольствием,— говорит,— Федор Семенович.

Она молоденькая девочка, ей все погулять хочется.

— Уведите и возвращайтесь,— говорю.

Почесала она зебру за ухом и ушла с ней.

«Надо бы самому,— подумал я,— проветриться, чем тут в духоте сидеть».

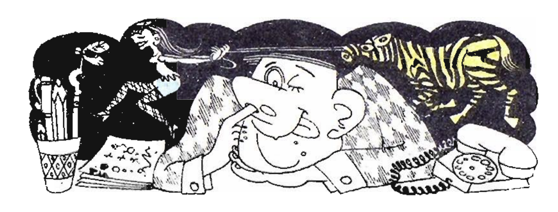
Но это я потом соображаю. Мне и жена всегда говорит:

— Задним умом ты, Федя, крепок.

Верочка вернулась только на другой день, без зебры, зато яблок принесла: тетка ей прислала из Алма-Аты.

Сижу я на работе, ем яблоки, гляжу в окно.

...На дворе уже осень. Огурцы на рынке совсем дешевые.

«Я, Елисеев В. С., с 12 мая по 9 июня не ходил на работу, потому что был на больничном, больничного мне не дали, так как я не болел».

(Из объяснения)
Прислал Л. Горунов, г. Москва

«Виктор Гребцов был на 11 лет моложе своего поколения».

(Из радиопередачи)
Записала Н. Цветкова, г. Новосибирск

«Объявление

9/VII-70 г. в 8 ч. вечера в д. № 68 будет прочитана лекция на тему: «Роль общественности в местах общего пользования».

Копию снял А. Хайкин, г. Чирчик, ЖКО «Чирчиксельмаш»

«При любых стихийных бедствиях: дождь, заносы, получка, аванс — на МТФ № 1 скот не оставался без кормов».

(Из выступления на собрании)
Прислал Л. Елецких, Воронежская область

Фото А. Стулия, пос. Затока, Одесской области

«За успехи в труде наградить значком «Отличник социалистического соревнования министерства» старшую аппаратчицу цеха № 5 Калинину Зинаиду Николаевну.

Поздравляем Валентину с наградой и желаем дальнейших успехов в труде!»

Многотиражная газета, г. Кемерово

«На 72 километре произошло нарушение правил уличного движения, в результате которого два автомобиля сфарились».

(Из протокола)
Копию снял А. Матвиенко, г. Владивосток

В. СУХАРЕВИЧ

ВОДА, ВОДА, КРУГОМ ВОДА

Если вы читали художественную литературу или, как любят говорить литкритики, наблюдали жизнь во всех ее проявлениях, то, безусловно, заметили, что почти каждый тяжко больной, приходя в сознание и в жизни и в литературе, всегда говорит одно и то же:

— Пить!

Что такое вода в жизни человека, объяснять надо, пожалуй, только тем, которые, как говорится, в сознание так и не приходят. Но даже им, вероятно, нужно напомнить: без еды человек еще может какое-то время продержаться, а без воды... Тут тысячи голосов подскажут: «И ни туды и ни сюды!» В письмах, полученных редакцией журнала «Крокодил», многие читатели вспоминают эти слова, но звучат они отнюдь не весело. Авторам писем не до шуток.

В летние знойные месяцы, когда глоток воды — лучшее лакомство, когда душ не потребность тела, а мечта души, когда всюду висят плакаты: «Мойте руки перед едой во избежание инфекции»,— вода во многие дома и даже поселки подается с перебоями, до жаждущих едва доходит, а все жалобы по поводу воды тонут в бумажных потоках.

Поразительный пример: в поселке шахты имени В. И. Ленина близ города Горловки, Донецкой области, на улицах Волгодонская, Цимлянская, имени Олега Кошевого вот уже двенадцать лет летом нет воды! Двадцать восемь горняков, подписавших письмо, печалятся: уже обращались в санэпидстанцию, но единственное, чего они «добились»: последнюю ближнюю колонку на улице Олега Кошевого, и ту перекрыли. Даже дети забывают летом о том, что такое вода. Что же они будут думать о взрослых, если вырастут, так и не искупавшись всласть в дни золотого детства?

...«Два-три года негде напиться!» Неутоленная жажда исторгла эти слова у работницы Метростроя Т. Пашковой. Она рассказывает, что в деревне Бубяково, Загорского района, Московской области, пришел в негодность колодец. Для сооружения нового завезены материалы, да так и лежат: нет мастеров. Но у председателя Воронцовского сельсовета ответ прост: дескать, сами, воронцовские, ходим за водой на полустанок, а посуду моем в грязном пруду... Конечно, если приключится, не дай бог, какая-нибудь хвороба с председателем, он мастеров в один миг сыщет. А вдруг заболеют дети? Или живущие здесь рабочие загорских предприятий?..

Из поселка Горняцкого, что у города Перевальска, Ворошиловградской области, электрослесарь П. Большаков прислал нам отстуканное на машинке объявление: «На горняцкий поселок подача воды будет производиться с 5 до 8 утра и с 17 до 21 часа вечера ежедневно. Домоуправ». Обманул шахтеров домоуправ! В первых этажах вода еще бывает (дома здесь сплошь в 4—5 этажей), а в верхних ее нет ни днем, ни ночью. «Приходится брать ведра в руки,— объясняет П. Большаков,— и носить воду для стирки и для приготовления пищи. А про туалетную и говорить не приходится! Хоть забивай туалет на веки вечные».

И здесь жители обращались во все инстанции, а инстанции молчат, будто в рот воды набрали.

В городе Брянки, Ворошиловградской области, положение еще острей. Здесь домов—64-квартирных!— еще больше, а колонка одна. Очереди выстраиваются с вечера, потому что пойдет вода в 3—4 часа утра и перестанет. Целый микрорайон превращается в микропустыню, по которой, как по караванной тропе, несколько километров идут истощенные жаждой путники с пустыми ведрами в поисках влаги.

Управляющий отделением Немцев летней жары не ожидал. Наверное, поэтому все окрестные пруды и колодцы обмелели, а три колонки пришли в негодность. «Во втором отделении совхоза задыхаются без воды!» — пишут рабочие совхоза «Донской», Задонского района, Липецкой области. Воду для совхозного скота в разгар страды стали подвозить на тракторах. А что пили неорганизованные граждане и частные буренки — никому не ведомо.

Вероятно, нерадивый председатель сельсовета может как-то оправдаться: нет, дескать, колодезных мастеров в нашей местности. Наверное, может и совхозный администратор сослаться на стихию: нежданная жара воду съела! Но почему в таком городе, как Львов, не хватает воды? В газете «Львовская правда» много лет идет дискуссия о перспективах городского водоснабжения. Сам начальник отдела финансирования местного хозяйства Львовского горфинотдела Д. Рат, опираясь на цифры и факты, еще в прошлом году разъяснил читателям, что «управление водоканализации из года в год не осваивает выделяемые ему капиталовложения». Оказывается, многочисленные могучие предприятия и солидные ведомства никак не могут договориться, кому добывать воду для города... А тем временем наш читатель П. Рябочкин в бутылке из-под шампуня присылает львовскую воду с наклейкой: «Перед употреблением взбалтывать!» Взболтали. Раствор ржавчины... И тут же родилось предложение — переселить в дома, куда поступает такая вода, всех тех, кто не осваивает капиталовложений на водоснабжение! Уверены, что уже после первого глотка родится неотступное желание бурить скважины, тянуть трубы...

Причуды водоснабженцев можно наблюдать и в других крупных городах. Например, в Вильнюсе, на улице Монтевилос, в домах №№ 29, 31 краны водопроводной колонки находятся во дворе, зимой замерзают, а летом постоянно подтекают, и в центре двора стоит огромная лужа. Жильцы уже не каких-то там бактерий боятся, они уверены, что здесь скоро «заведутся крокодилы». В городе Кургане на Пролетарской, 65, вот уже десять лет в квартирах стоят краны, но днем еще ни разу никто не смог ими воспользоваться. Поздно ночью жильцы наполняют все возможные емкости драгоценной влагой. А директор приборостроительного завода, которому, собственно, принадлежат дома, уже много лет не ассигнует денег на прибор, который регулярно подавал бы холодную и горячую воду.

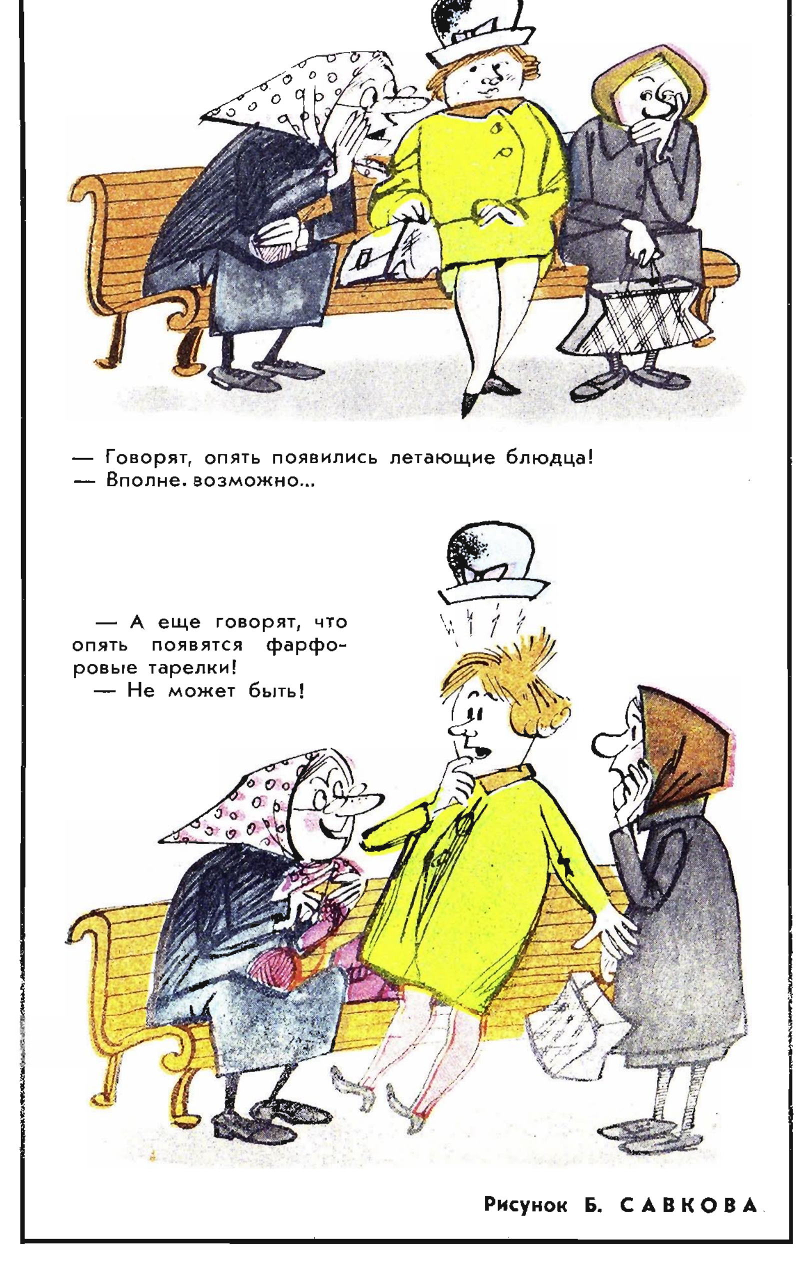
Да, кстати, насчет средств. В Бресте, например, их хватило вполне, чтобы построить дивный микрорайон, но в четыре дома по Московской улице несколько месяцев не подается горячая вода. Оказывается, строители забыли дать заявку на дифманометр, а без него вода до моющихся не доходит.

Вообще говоря, со строителями и ремонтниками подчас происходит нечто непонятное.

В городе Ровно в доме № 23 по улице Парижской коммуны лопнула водопроводная труба. Тт. Трубаев и Войтюк немедленно поставили в известность Ровенский горсовет. Спустя месяц они получили ответ: все в порядке, сигнал принят. А вода все течет и течет.

Ученые утверждают: рост населения планеты приведет к тому, что пресной воды может все же не хватить. Вероятно, в предвидении этого кризиса создаются атомные установки для опреснения морской воды, бурятся скважины, чтобы поднять из глубин подземные моря. В сравнении с такими циклопическими масштабами вырыть колодец, пробурить скважину, поставить лишний насос — сущие пустяки. А вот не делают же этого люди, отвечающие за здоровье населения! И возникает сладостная мечта: а почему бы не оставить их без воды на двое-трое суток? Тогда бы наверняка они услышали голоса, которые звучат властно и требовательно:

— ВОДЫ!

— Говорят, опять появились летающие блюдца!
— Вполне. возможно...

— А еще говорят, что опять появятся фарфоровые тарелки!
— Не может быть!

Рисунок Б. САВКОВА

по тому же поводу...

ЛИЦА И ТЕПЛИЦА

История эта проста, как огурец. В январе прошлого года из города Балаково, Саратовской области, пришло письмо о том, что несколько лет назад при городской школе № 3 начали строить теплицу-оранжерею. Для более полного и успешного изучения школьниками ботаники. И никак эту теплицу не достроят.

Нельзя объять необъятное и напечатать все, что пришлют в редакцию. Потому мы письменно попросили Балаковский горком партии помочь в этом деле. Мы надеялись, что наше письмо не останется без внимания.

И мы не ошиблись.

Вскоре был получен обнадеживающий ответ: «...Балаковский горком КПСС сообщает, что теплица в школе № 3 будет закончена строительством в течение 1969 года. Секретарь Балаковского горкома КПСС А. Дегтев».

Ну, подумали мы, теперь уж, наверное, нам больше беспокоиться не о чем.

Но мы ошиблись.

Прошло несколько месяцев, и нам сообщили, что умельцы из СУ-4 на стройку и носа не кажут.

Тогда мы снова обратились с просьбой в Балаковский горком партии. Надеялись, что второе письмо возымеет действие.

И мы не ошиблись.

Это стало ясно из второго балаковского ответа:

«...строительство теплицы-оранжереи на территории школы № 3 поручено ремонтно-строительному управлению. Исполком горсовета депутатов трудящихся обязал начальника РСУ тов. Чашина приступить к строительству теплицы-оранжереи с октября 1969 года и закончить работы в первом квартале 1970 года. Секретарь Балаковского горкома КПСС В. Хохлов».

Мы стали ждать срока, назначенного тов. Хохловым. Мы подумали, что, может быть, за этот вольготный срок дело завершится.

Но ошиблись.

В конце прошлого года мы снова получили жалобу о том, что строители не работают. И тогда мы, несколько обидевшись, опубликовали в первом номере за 1970 год мини-заметку. Вы прочтете ее не утомившись:

«Строительные организации г. Балаково уже четвертый год соревнуются за почетное право не участвовать в достройке оранжереи-теплицы для школы № 3. Соревнования проходят успешно. Побежденных нет».

Мы считали, что этих скромных строчек будет достаточно, чтобы обратить внимание ответственных лиц на некрасивый факт.

И не ошиблись.

Вскоре мы получили письмо о том, что после появления заметки на стройку пришли кадры тов. Чашина. И что-то там сделали. Так нам показалось.

Но мы ошиблись.

Совсем недавно, когда кончились сроки и товарища Дегтева и товарища Хохлова, нам прислали фотографию теплицы. Она и до сих пор не достроена.

И потому нам кажется, что в г. Балаково еще не вышел из моды метод реагировать на сигналы печати отписками.

Но, может быть, мы снова ошибаемся?

Дорогой Крокодил!

Недавно в селе Ломоносово, Архангельской области, я невольно вспомнил рисунок Е. Ведерникова «— А телеги все еще не завезли?», опубликованный в № 20.

— Тетя, ты что — лето с зимой спутала?

— Дак телег нету,— невозмутимо ответила мне здешняя колхозница.

На исходе был июнь 1970 года. Стояла необычная для этих мест жаркая погода.

В. ТУРУНТАЕВ

Уважаемая редакция!

В вашем журнале (№ 20) на третьей странице помещен рисунок о том, что в сельмаг не завозятся пароконные хода (телеги).

Мы располагаем большим количеством этих пароконных ходов. Просим сообщить нам адреса организаций (сельмагов), которые нуждаются в этой продукции.

С. ШЕСТИАЛТЫНОВ,
генеральный директор
Ростовской тарной фирмы

Борису ЕФИМОВУ — семьдесят лет

Дружеский шарж
И. СЕМЕНОВА

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

КИНОРЕБУС

В заглавных титрах новых кинолент
что день — все больше информаций ценных:
кто автор, кто снимал, кто ассистент,
помреж, художник, осветитель сцены;
чей шум, чей грим, костюмы, гвозди, клей...
И только исполнителям ролей
приходится в заглавных титрах плохо —
все имена в одном абзаце чохом.
По ходу фильма угадать изволь,
решая сложный ребус поневоле,
кто и какую в нем играет роль...

А может, это не играет роли!

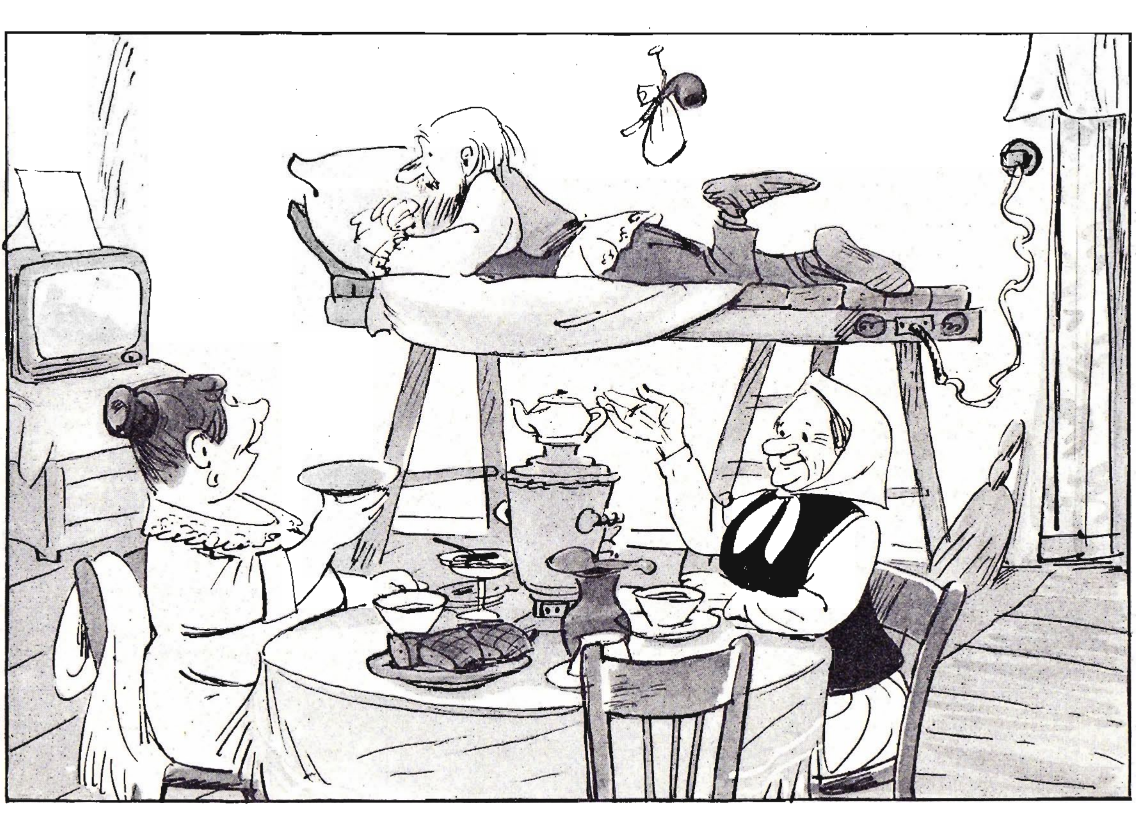
г. Киев.

ЗАКИ НУРИ

ТВОРЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

— Вы драму пишете?
— Да, да.
— Давно?
— Да все эти года,
Она ж на восемь актов!
Так-то...
— Ну, а закончите когда?
— Пока готовы
Два антракта.

Перевел с татарского
Иван ЗАКОНОВ.

— У нас теперь, как в городе: газ, водопровод, электричество.

Рисунок
С. КУЗЬМИНА

ПРОСТО АНЕКДОТ

Разговор двух приятелей:
— Говорят, ты научил свою жену играть в карты?
— Да. И знаешь, здорово получается! На следующий день после получки я отыграл у нее половину своей зарплаты.

●

— Петенька, к тебе врач,— робко говорит жена заболевшему супругу.
— Скажи ему, что я болен и не принимаю.

●

Спешно вызванный водопроводчик явился с опозданием на два часа:
— Извините, я был занят и не мог прийти раньше. Надеюсь, вы не ожидали меня сложа руки?
— О нет, я учила детей плавать.

●

Директор универмага спрашивает своего заместителя:
— Как выглядит новая продавщица?
— У нее вечно сонное выражение лица.
— Тогда поставьте ее в отдел пижам и ночных рубах.

●

В бар зашел бедно одетый человек в дырявых башмаках и попросил налить ему сто пятьдесят граммов коньяка.
— Вы бы лучше зашли в магазин напротив и купили себе галоши,— посоветовала ему продавщица.
— Ну уж нет,— обиженно сказал посетитель,— я на здоровьи не экономлю.

●

— Не стыдно ли вам попрошайничать? Вы достаточно сильны, чтобы работать!
— Я это знаю, мадам. И вы достаточно красивы, чтобы сниматься в кино, но предпочитаете скромную жизнь...
— Подождите, я поищу что-нибудь для вас на кухне...

●

Кондуктор:
— По этому билету, бабушка, вы не имеете права ехать в этом поезде!
— Почему?
— Потому что этот билет не для скорого поезда.
— А ты скажи машинисту, чтобы ехал помедленнее...

●

В обществе, где говорили про успехи и карьеру, один из присутствовавших похвалялся:
— Когда я начинал карьеру, у меня не было ничего, кроме собственного ума.
— Тогда вы действительно начинали с очень малым капиталом,— ответил ему сосед.

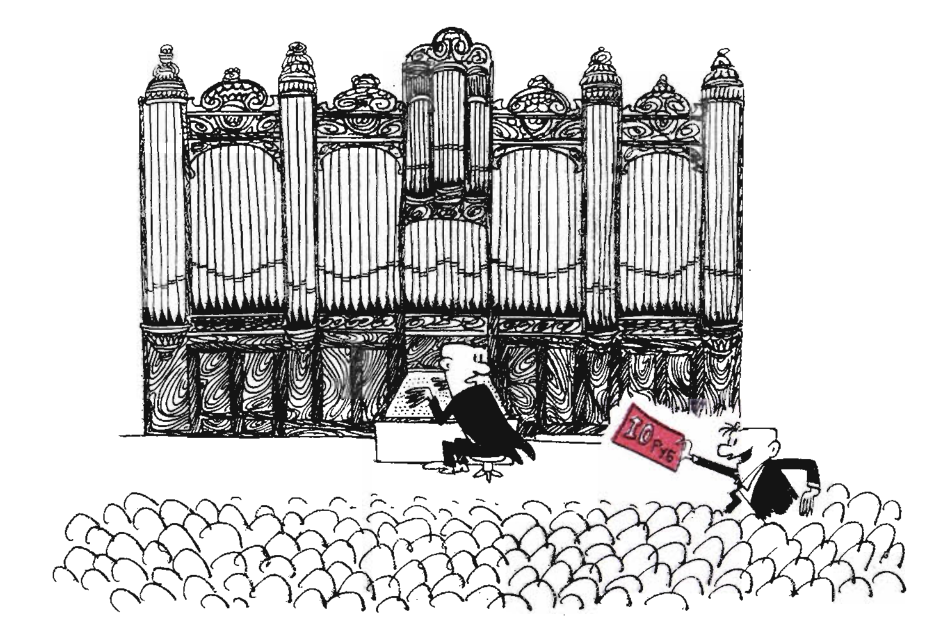
●

Е. ШАБЕЛЬНИК

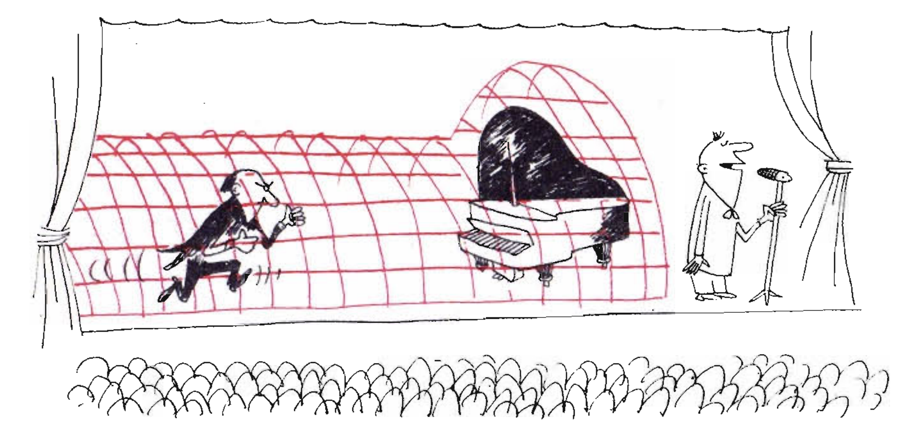
МУЗЫКАЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ

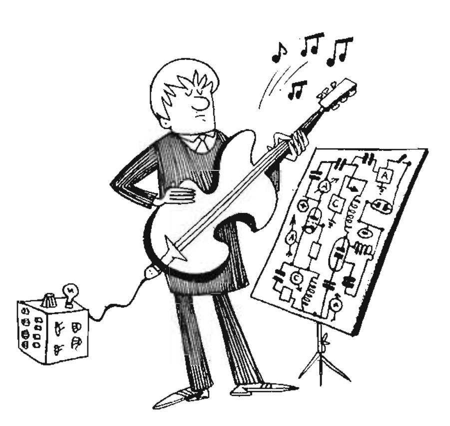
— На этом рояле будут играть по цветному телевидению...

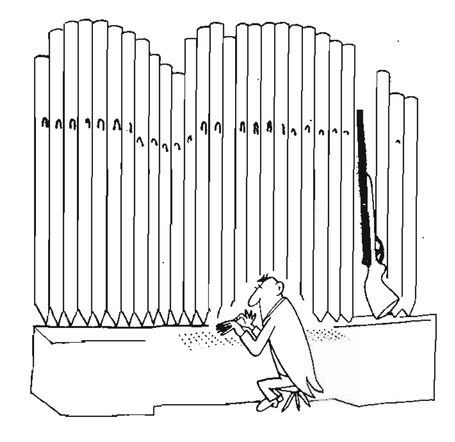

— Эй, друг! Летку-енку знаешь?

— Скрябин! «Поэма экстаза»!

ПЯТИБОРЬЕ ОСТРОУМНЫХ

Быть тренером сборной СССР по футболу, беседовать с уругвайцем Хохбергом, одновременно вешать гардины в КБ, целовать Наденьку, отвечать министру да еще убедиться при этом, что из вашего крана вместо воды течет кефир,— согласитесь, задача перед пятиборцами стояла непростая.

«Для такого перевоплощения, — написала нам Л. Ефимова из Москвы, — нужно по меньшей мере изучить систему Станиславского, а я даже в самодеятельности никогда не участвовала». Ей вторит пятиборец Б. Иоселевич: «Попробуйте-ка перевоплотиться в три лица, если к тому же учесть, что все они тебе чужды, ибо ты мало смыслишь в футболе, тебе далеко не 25, а Наденька к тому же не целуется с женатыми мужчинами, и в довершение всех несчастий из твоего крана не то что кефир — даже вода не всегда течет».

Некоторые разрешили задачу просто. Например, А. Плотнир из Кировоградской области сообщил нам, что кефир вместо воды не потечет, поскольку это «невероятно». А. Винокуров из Харькова ответил так: «Я бы с Хохбергом и разговаривать не стал». Зато В. Кулинин из Ленинграда заставил тов. Качалина отвечать уругвайскому тренеру по-латыни.

Как бы то ни было, 623 пятиборца более или менее удачно выполнили задание 4-го тура и прислали нам письма, которые жюри изучило самым тщательным образом.

Поскольку, как мы уже сказали, задание было трудным, мы решили присуждать очки отдельно по каждому вопросу и публикуем сегодня по три лучших варианта.

Итак, представьте себе, что вы тренер нашей сборной по футболу. После матча со сборной Уругвая к вам подходит уругвайский тренер Хохберг. С увлажненными глазами он трясет вам руку, приговаривая:
— Спасибо, сеньор Качалин, спасибо, милый! Век вас не забудем!
Что бы вы ответили Хохбергу, будь вы Качалиным!

— Ну что вы, сеньор Хохберг, есть ли о чем говорить. Мы ведь любители, а футбол — это так, наше общее хобби.

А. ЗАЯЦ, г. Одесса.
1-е место, 10 очков.

— Это вам спасибо, спасли нас от бразильцев!

Л. БАБАН, г. Ленинград.
2-е место, 9,5 очка.

— Мы, мистер Хохберг,
атеисты,
И нам богиня не нужна.
Для нас — считают
футболисты —
Поездка в Мексику
важна.

В. ДМИТРУК, г. Салават.
3-е место, 9 очков.

Вы холостой и высокий. Вам двадцать пять лет. В ваше конструкторское бюро должен приехать министр. По этому поводу начальник поручает вам срочно повесить на окна новые нейлоновые гардины. Вместе с очаровательной чертежницей Наденькой вы влезаете на подоконник и беретесь за дело. В разгар работы вы целуете Наденьку. Плохо закрепленная гардина падает на голову, и вы запутываетесь в кружевном полотнище. И тут раздается бархатный бас министра:
— А чем занимаются в этом отделе!
Что вы ответите министру!

— Мы спроектировали новую машину, а пока промышленность будет ее осваивать, решили заняться подготовкой кадров для нее.

Б. ГАДАСИН, г. Энгельс.
1-е место, 10 очков.

— Проблемой брака на производстве.

М. ТЕРЕНТЬЕВ, Кировская область. 2-е место, 9,5 очка.

— Мы, товарищ министр, решили с Наденькой пожениться. Поэтому так: или ключи от двухкомнатной квартиры, или мы прыгаем с четырнадцатого этажа.

С. ЯМАДА, г. Серпухов.
3-е место, 9 очков.

Представьте себе, что вы открываете у себя дома водопроводный кран, и вместо воды из него течет кефир. Что вы скажете!

— Опять сдали дом с недоделками!

А. ЗАЯЦ, г Одесса. 1-е место, 10 очков.

— Снова халтурят, воду кефиром разбавили.

Б. СУЛАВА, г. Ткварчели.
2-е место, 9,5 очка.

— Говорил тебе, старая, давай продадим корову!

С. ЯМАДА, г. Серпухов.
3-е место, 9 очков.

ПОЛОЖЕНИЕ ЛИДЕРОВ ПОСЛЕ 4-го ТУРА

Фамилия пятиборца	Сумма очков, полученных в предыдущих турах	Очки, полученные в 4-м туре	Сумма очков и место
А. Кульгевич г. Одесса	14,5	8	22,5 (1)
Е. Новичихин г. Воронеж	16	6	22 (2)
Б. Гадасин г. Энгельс	10	10	20 (3—4)
А. Заяц г. Одесса	—	20	20 (3—4)
Ю. Белехов г. Свердловск	12	7,5	19,5 (5)
В. Александров г. Игарка	12,5	6	18,5 (6)
С. Ямада г. Серпухов	...	18	18 (7)
Л. Лях г. Краснодар	9	8,5	17,5 (8)
В. Асаульченко г. Загорск	8,5	7	15,5 (9)
К. Андрианов г. Омск	8	6,5	14,5 (10)

В число лидеров, не попавших в сводную таблицу, входят также пятиборцы И. Романов (г. Белгород), В. Шевченко (г. Апатиты), А. Егоров (г. Киев), Р. Лебедев (г. Ленинград), Б. Иоселевич (г. Львов), В. Ожерелков (г. Москва), В. Молоканов (г. Москва), Б. Сулава (г. Ткварчели), Л. Бабан (г. Ленинград), М. Терентьев (Кировская обл.), Ю. Рогожников (г. Североуральск).

А теперь — задание пятого, и последнего, тура

Все вы, конечно, помните незабываемые строки:

У попа была собака.
Он ее любил.
Она съела кусок мяса.
Он ее убил.
И в землю закопал.
И на камне написал:
«У попа была собака» и т. д.

На первый взгляд, эти строки ничего особенного не представляют. Это как бы ерунда, фу-фу, глупость какая-то. Но только на первый взгляд. Для опытного сценариста здесь сокрыт богатейший материал для выдающегося произведения и в жанре приключенческого фильма, и драмы, и исторической ленты, и веселой комедии, и, наконец, в жанре научно-популярного кино.

Мы уверены, дорогие пятиборцы, что все вы потенциальные сценаристы и сможете представить нам заявки на сценарий или либретто его в любом из названных жанров **размером не более полутора страниц.** Если у вас нет пишущей машинки, пишите, пожалуйста, разборчиво, иначе вы затрудните нам чтение ваших выдающихся произведений. Помимо обычных очков, победители пятого тура получат специальные дипломы студии «Крокодилфильм».

Ждем ваших писем до 20 ноября. Результаты пятого тура и общие итоги пятиборья будут опубликованы в 34-м номере нашего журнала.

Не забудьте указать на конверте **«Пятиборье».**

Желаем успеха всем участникам нашего состязания!

КРОКОДИЛ
№ 27 (1965)
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: Д. Агаев, А. Баженов, М. Вайсбурд, Е. Горохов, Л. Горохов, А. Грунин, С. Кузьмин, Б. Старчиков, Ю. Степанов, И. Сычев.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Сдано в набор 11/IX 1970 г. А 00143. Подписано к печати 21/IX 1970 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 300 000 экз. (1 завод: 1 — 3 882 400). Изд. № 1595. Заказ № 2603.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

— Они за совместное обучение? Что ж, посадите их рядом!

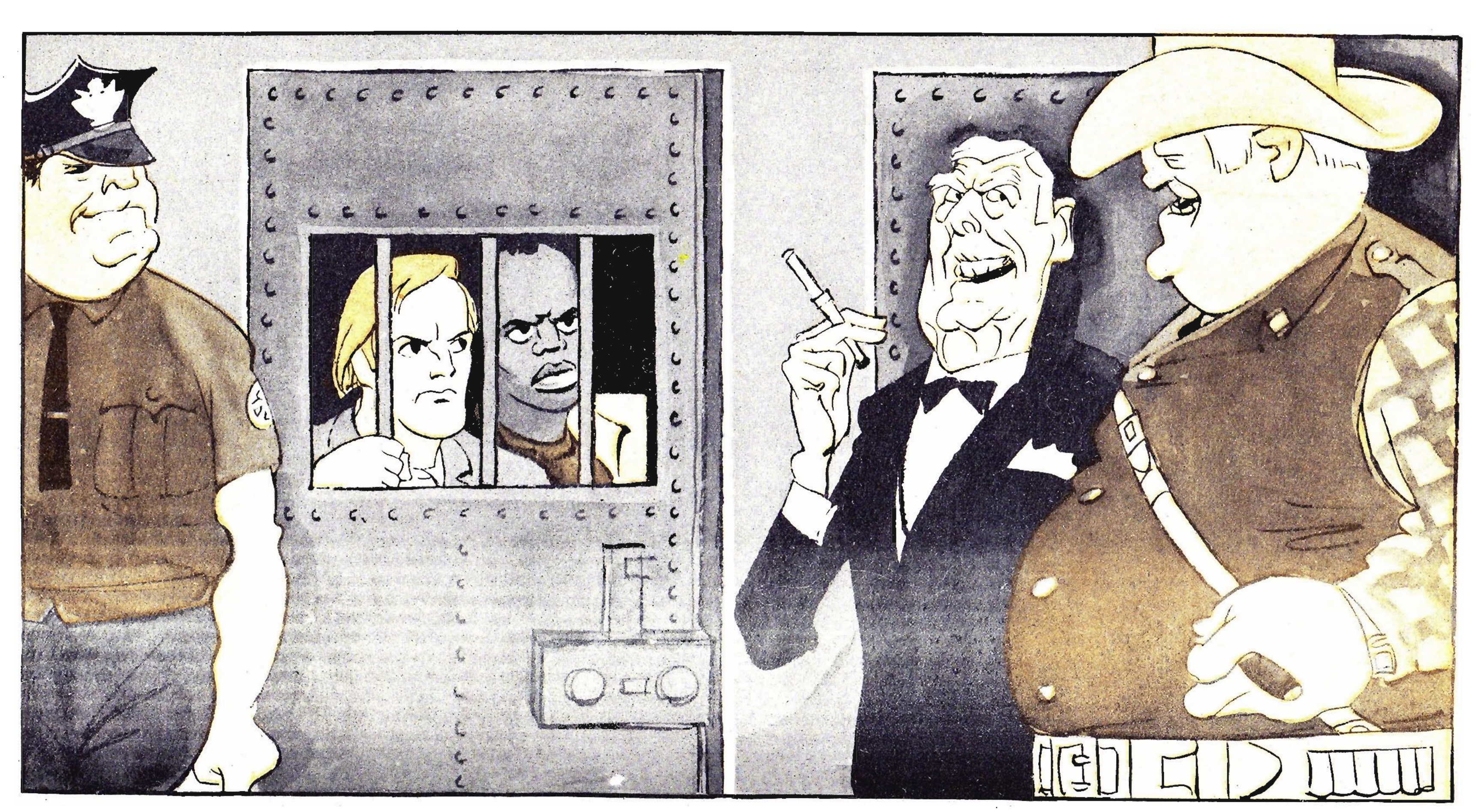

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО